

ЕСЛИ ВЫ ДО СИХ ПОР НЕ ЧИТАЛИ
АНДРЕЯ ВОРОНИНА – САМОЕ ВРЕМЯ ИСПРАВИТЬ ЭТУ ОШИБКУ

КОММЕРСАНТ

3052

Андрей Воронин **ПРОРОК**

ДЕТЕКТИВ

СТАВКА НА ВЕРУ

Пророк

Андрей Воронин

Пророк

«ХАРВЕСТ»

2002

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

Воронин А. Н.

Пророк / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ», 2002 — (Пророк)

ISBN 978-985-18-3628-0

В Ельске царила тяжелая, гнетущая атмосфера – в городе снайпер, который по одному убивает ОМОНовцев, недавно вернувшихся из Чечни. Кто в мирном городе приговорил к смерти солдат, которых она пощадила на войне?

УДК 821.161.1(476)-312.4

ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

ISBN 978-985-18-3628-0

© Воронин А. Н., 2002

© ХАРВЕСТ, 2002

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	28
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Андрей Воронин

Пророк

© Подготовка, оформление. ООО «Харвест», 2014

Глава 1

Провидцем был великий Лобачевский, однажды в приливе озарения подарив миру мысль, что параллельные линии пересекаются. Постичь это утверждение бытовым разумом невозможно, но тем не менее оно истинно. Так порой и разные люди, движущиеся параллельными жизненными путями, внезапно встречаются, и роковые встречи на время соединяют их судьбы.

Холодной весенней ночью, наполненной дождем и ветром, мчался с севера на юг, прорезая темноту, поезд Ростов-Архангельск. А параллельно ему по шоссе, ярко светя фарами, неслись черные «Жигули». За рулем автомобиля, чуть подавшись вперед и неестественно ровно выпрямив спину, сидел бородатый мужчина. Он смотрел на мелькающие в свете фар стволы деревьев, толстые, похожие на спины крепких мужчин, облаченных в телогрейки, на блестящую от дождя дорогу и судорожно дергающиеся по лобовому стеклу щетки очистителей. Время от времени он отрывал руку от баранки и прикасался ею к глазам, темным, глубоко посаженным под густыми бровями.

Его остро очерченный профиль, похожий на профиль хищной птицы, покачивался в такт движению. Иногда бородатый мужчина косил взглядом на поезд, мчавшийся параллельно шоссе. Перед деревенькой шоссе и железная дорога разошлись, отдаляясь друг от друга, и пассажирский поезд пропал за стеной леса. Но водитель «Жигулей» знал, что вскоре он опять увидит пассажирский состав, несущийся параллельным курсом.

«Зря я не взял с собой термос, – подумал водитель «Жигулей», – кофе или чай поддержали бы меня. Но ничего страшного, – схему автомобильных дорог он помнил прекрасно, – километров через сорок – небольшой населенный пункт, там в буфете железнодорожной станции наверняка можно выпить чашку крепкого горького кофе. Если не повезет, то выпью чаю, его в провинции предпочитают кофе», – думал мужчина.

Часы показывали половину второго ночи. Изредка попадались встречные автомобили. Когда водитель черных «Жигулей» видел сполох света, он предупредительно убирал дальний свет, но скорость при этом не сбавлял. То же делали и водители встречных машин.

Ночью одинокие люди становятся обходительными, страх темноты притупляет до расвета желание хамить и ссориться.

«Да, у всех дела. И ночью люди не могут отказаться от дел, куда-то спешат, словно бояться опоздать, торопятся жить, мчатся и совсем не думают о том, что человек должен спать, набираться сил, отдыхать и готовиться к дневной работе, к дневным заботам».

Небо над дорогой было глубокого черного цвета. Ни звезд, ни луны, сплошная черная пелена, похожая на непроницаемо плотный черный дым. Голые деревья, мокрая черная земля.

Сноп света, брошенный фарами «Жигулей», выхватил облезлый столб, на котором, покачиваясь на одном болту, криво висел, указывая в черное небо, остроконечный щит с надписью «Старый Бор. 5 км». Мужчина за рулем с облегчением вздохнул: пять километров для машины – не расстояние.

Указатель не обманул. Вскоре замелькали дома, вначале деревянные, стоящие на большом расстоянии друг от друга. Затем дома начали кучковаться, расти вверх, появились двух-, трехэтажные. Вокзальную площадь обрамляли местные небоскребы – четырехэтажные строения. Здание железнодорожного вокзала было тускло освещено, не демонстрируя, а лишь скромно напоминая о том, что и в Старом Бору ночью теплится жизнь.

Как бы ни старался путешественник минуть привокзальную площадь, проехать мимо нее, это ему не удалось бы. Через город шла одна-единственная дорога, она и вела к еще дореволюционному зданию железнодорожного вокзала. Над рельсами раскинулись два ажурных метал-

лических моста, которыми никто в темное время суток не пользовался – пассажиры бегали прямо по путям.

«Жигули» остановились на привокзальной площади рядом с хлебным фургоном.

«Давненько стоит этот ЗИЛ, – подумал водитель «Жигулей».

Над капотом ЗИЛа даже не поднимался легкий серебристый пар. Мужчина выбрался из машины, глянул в мутное стекло большого арочного окна с корявым переплетом. Рама буквально слоилась краской, по ней можно было изучать историю лакокрасочного производства России в двадцатом столетии. За стеклом виднелся традиционный зал ожидания, в левой части которого пестрело единственное яркое пятно – буфетная стойка.

Опершись локтями о стойку, дремала буфетчица в сказочно белом накрахмаленном кружевном кокошнике. Водитель «Жигулей» не ошибся, еще за сорок километров от поселка предположив, что буфетчица окажется толстой, розовощекой, порядком «подержанной» дамой, с золотыми сережками в отвисших мочках ушей.

Он толкнул скрипучую дверь со старомодной ручкой и очутился в просторном, очень грязном зале. В зале ожидания пахло пирожками с капустой, жаренной на старом растительном масле рыбой и еще чем-то таким, чем пахнут все железнодорожные вокзалы, неуловимым, но вечным и патологически несъедобным. Здесь расположилось с полдюжины пассажиров. Двое бомжей спали на расстеленных газетах, укрывшись телогрейками; люди, менее искушенные жизнью, дремали, сидя на исцарапанных гнутых фанерных лавках, по надписям на которых можно было восстановить не только историю поселка, но и всей России: кто когда уходил в армию, кто когда вернулся в родные места, кто закончил профтехучилище и в каком году, кто приезжал в поселок на каникулы, кто кого любил прямо на этих лавках, кто кому изменял, кто дурак, а кто гомосексуалист, кто трахает кобылу, а кто предпочитает оральный секс или удовлетворяет себя сам. Все это графическое великолепие свидетельствовало о том, что Старый Бор и его железнодорожный вокзал – места, не обделенные богатой историей.

Буфетчица, едва скрипнула дверь, повела себя собака, прикорнувшая в будке, – открыла вначале левый глаз, затем правый. Увидев, что посетитель – человек солидный, аккуратно одетый, да и не пешком пришел (на пальце у него покачивались ключи от автомобиля) тряхнула головой. Золотые сережки закачались, буфетчица, абсолютно не стесняясь посетителя, зевнула, широко раскрыв рот, закинула пухлые руки за голову и сладко потянулась. Сна, бывало. На губах проступила любезная улыбка.

Мужчина с очень прямой осанкой, с гордо вскинутой головой шел между рядами кресел, в густой шевелюре и бороде поблескивали капельки дождя. Его появление в зале вызвало определенный интерес. Бомж, настолько отрешившийся от условностей жизни, что даже не помнил года своего рождения, приподнял край телогрейки, из которой торчали клочья ваты, и принялся заскорузлыми черными пальцами тереть маленькие глазки, лишенные ресниц. Их отсутствие не было последствием болезни, они регулярно отрастали и так же регулярно сгорали в пламени спичек, когда их обладатель пытался поджигать коротенькие окурки, подобранные на перроне.

Бомж не верил собственным глазам, продолжая их тереть, словно пытался отогнать навязчивое видение. Ему казалось, что мужчина в черном не идет по заплеванному плиточному полу, а парит над ним – так ровно он двигался. «Фу, черт, как пророк Илья идет!»

И тут за арочным окном зала ожидания что-то полыхнуло: то ли милицейская мигалка, то ли молния. Молнии такой ранней весной быть не могло, а вот приезд милицейского УАЗика на вокзал был нехстати. Бомж на всякий случай перекрестился, глядя на пришельца, и сел, чинно положив на колени заскорузлые ладони.

Мужчина проследовал мимо него бесшумно и плавно. Бомж накинул на плечи телогрейку, сдвинул на затылок замызганную ушанку с солдатской кокардой. Пышногрудая буфет-

чица попыталась отгадать, чего же закажет поздний гость. Обычно в ночное время спрашивали лишь спиртное и лишь потом интересовались закуской.

Мужчина подошел, взглянул в глаза буфетчицы и мягко произнес:

– Здравствуйте.

Буфетчица, растерявшись, трижды произнесла:

– Здравствуйте... здравствуйте... здравствуйте...

Мужчина скользнул взглядом по банкам, бутылкам, коробкам за спиной буфетчицы и так же тихо, как и здоровался, попросил:

– Кофе.

Буфетчица встрепелась:

– Извините, кофе у нас, конечно, есть, растворимый, но нет кипятка.

По блестящему боку титана бежал таракан, крупный, породистый. Буфетчица закрыла его своим пышным телом, а затем резко, как каратист, нанесла удар локтем. Титан ответил гулом. Металл еще хранил дневное тепло, и тараканы сбегались поближе к нему – погреться. Буфетчице даже показалось, что таракан пискнул. Локтем же она вытерла пятно на титане.

Мужчина стоял, глядя поверх головы женщины.

– Жаль, что придется пить холодный.

– Вам я разогрею, держу только для себя маленький кипятыльник. Две минуты – и вода готова.

– Буду очень признателен, – мягким певучим голосом, от которого у буфетчицы заныло внутри, произнес ночной гость.

– Вода у нас из колодца, мягкая, в городе такой не сыщете.

Вода закипела. И если с другими посетителями буфетчица чувствовала себя существом высшего порядка, таким демиургом, повелевающим всем вокзальным пространством, до которого в ночное время сжимался мир поселка, то рядом с предельно вежливой мужчиной она почувствовала себя грешницей, пришедшей в храм на исповедь. Даже язык, привычно произносящий брань, почему-то стал прилипать к небу, а на память сами собой приходили давно забытые любезные слова. Лицом и всем телом она демонстрировала знаки внимания, подчерпнутые ею из «мыльных» сериалов.

Буфетчица схватила блюдце, принялась его протирать. Затем то же проделала с большой пол-литровой чашкой, в каких принято подавать бульон.

– Вам двойное кофе?

– Двойной, – поправляя ее, произнес мужчина. – Двойной не в смысле воды, а в смысле крепости. Пожалуйста, если можно, налейте вон в ту маленькую чашку.

Дрожащими руками буфетчица разорвала два пакетика «Nescafe» высыпала все до последней крупинки в чашку и, заморгав ясными голубыми глазами, посмотрела на посетителя:

– С сахаром?

– Без.

– Как пожелаете, – услужливо ответила буфетчица.

Властная, она, сама не зная почему, чувствовала себя перед незнакомцем не бесконечно могущественной хозяйкой Медной горы, а маленькой девочкой перед строгим школьным учителем, который все знает, может даже отгадать любую ее мысль, самую тайную, которую она и произнести не в состоянии.

Мужчина поставил блюдце с чашкой дымящегося кофе на ладонь, положил на стойку деньги и сказал:

– Я выйду на воздух.

– Конечно, пожалуйста, я же вижу, вы не украдете!

С чашкой, налитой до краев, не расплескав ни капли, он двинулся к двери, ведущей на перрон. Массивная дверь высотой в два этажа легко открылась от прикосновения ладони. В зале ожидания остался терпкий аромат крепкого кофе, так в церкви после кадила остается смолистый запах ладана.

Держа на ладони чашку, мужчина стоял под порывами ветра, треплющего длинные волосы и густую с проседью бороду, глядя не на приближающийся поезд, а на затянутое низкими облаками небо. Он смотрел так, словно видел сквозь них звезды.

Со скрежетом, лязгая буферами, у перрона остановился длинный состав. Над вагонами вился дымок. Из дверей выглядывали лишь проводники. Поезд спал. Только окна в последнем, почтовом вагоне ярко горели. Даже не откидывая подножку, на низкую платформу из него соскочили двое рослых молодых мужчин в камуфляжных брюках и тельняшках. Они были разогреты донельзя, не чувствовали ни дождя, ни холода, жадно хватали сырой прохладный воздух, как измученный жаждой человек хватается родниковую воду.

– Извини, земляк, – бросил один из них, задев локтем странного мужчину с чашкой кофе, – что за станция?

– Старый Бор.

Парень в тельняшке пожал плечами. Название ему ничего не говорило.

– Буфет работает?

– В зале.

И двое спецназовцев в тельняшках, сильно выпившие, но твердо стоявшие на ногах, рысью бросились к вокзалу. Они ворвались в зал ожидания так, словно у них в руках были автоматы и они проводили операцию захвата.

– Вон! – крикнул один из сержантов.

От этого крика буфетчица в страхе немного присела и втянула голову в плечи, а бомж, накрывшись телогрейкой, завалился на бок и притворился спящим, наблюдая, однако, сквозь маленькую дырочку за двумя подвыпившими ОМОНовцами.

– Водка только дорогая, – предвидя конфликт, предупредила буфетчица.

– Этого добра у нас хватает. Мать, порубать чего-нибудь найдется?

– Ребятки, вареные яйца устроят?

– Давай десяток. И колбасы два кольца. Пива, конечно, тоже нет?

– Днем все выпили.

– Чтoб они подавились, ваши алкоголики!

Парни в тельняшках вели себя странно. На «дембелей» не походили, чувствовалось, люди выпили, но не с радости, а с горя, потому как хмель их не брал. Буфетчица, зная, что поезд стоит пять минут, работала быстро и расторопно, пакуя снедь и не забывая при этом на старомодных счетах подбивать костяшки. Калькулятору она не доверяла, хотя тот и стоял возле кассового аппарата.

– Куда путь держите, ребята?

– В Ельск.

– Домой.

– Чего такие невеселые? – бросила им вслед буфетчица.

Уже в дверях один из сержантов обернулся и недовольно бросил через плечо:

– Груз везти везем.

Поезд уже тронулся, ОМОНовцы побежали вдоль состава и ловко, даже не хватаясь за поручни, вскочили на высокую подножку почтового вагона. Напоследок они остужали лица, высунувшись из двери и продолжая прерванный походом в буфет разговор:

– ...и мужчины и женщины у них некрасивые, а дети словно звереныши. Ничего у них своего нет, оружием, и то нашим воюют, они всему от русских научились, сдохли бы без нас.

Второй сержант, словно не слышал приятеля, как случается у выпивших, говорил о своем:

– Помнишь, полковник наше отделение послал боевиков из могилы выкопать, чтобы их телевизионщики снять могли, да заодно и посчитать, сколько их наши уложили. Женщины-чеченки нас не пускали, дорогу загородили. Я поверх голов очередь пустил – разбежались. А собака на могиле уже неделю сидела – кавказская овчарка, хозяина мертвого стерегла. Никого не подпускала. У меня рука не поднялась ее пристрелить. Полковник приказывает: «Стреляй». Я только автомат подниму, а она на меня в упор посмотрит – и не могу на спуск нажать. Худая, обозленная, но глаза огнем горят, любого, кто на могилу посягнет, готова на части разорвать. В воздух стреляли – не ушла.

– Гришка ее из снайперской винтовки пристрелил. Потом, рассказывал, она ему каждую ночь сниться стала. Смотрит на него не мигая и клыки скалит, а глаза у нее человечьи. Говорили ему, чтобы не подбирал снайперскую винтовку возле мертвого боевика, а он ее взял.

– Кавказские овчарки – они верные.

Поезд медленно прополз мимо перрона, застучал колесами, а потом еще несколько минут звучал из темноты, скрывшись за поворотом.

– И они в Ельск направляются. Возможно, с ними я еще встречу, – тихо произнес мужчина в черном, сделав последний глоток остывшего кофе.

Он вернулся в зал ожидания и бесшумно поставил блюдце с чашкой на стеклянный прилавок витрины.

– Спасибо, – сказал он.

Буфетчице хотелось спросить, что такое «груз двести». Ей казалось, мужчина с умными, пронизательными глазами знает все на свете. Но язык снова прилип к небу, сухой и шершавый, словно специально, чтобы буфетчица не смогла произнести ни звука.

Вновь бомжу, выглядывающему из-под телогрейки, показалось, что перед ним видение. «Буфетчица – реальная, знакомая, может послать, у нее можно попросить использованный стаканчик, а вот мужик какой-то ненастоящий».

Вернее, он был слишком настоящим, пугающим своей реальностью.

Вновь за окном что-то сверкнуло. Мужчина прошел мимо бомжа, даже не взглянув на него. Большая вокзальная дверь закрылась.

Возле «Жигулей» орудовали двое молодых парней, третий стоял, выглядывая из-за хлебного фургона. Он следил за привокзальной площадью. Парням уже удалось открыть дверцу, один из них пытался выкрутить магнитоу, не повредив ее, второй же рассматривал кассеты, которые извлек из перчаточного ящичка.

– Хрень какая-то, – бурчал он. – Какой-то Себастьян Бах.

– Я такого певца не слышал.

Мужчина в черном появился возле них неожиданно, словно привокзальная темнота площади внезапно уплотнилась и образовала у машины человеческую фигуру с длинной-длинной тенью.

– Положите назад все, что взяли, – прозвучал бархатистый мягкий голос, в котором не слышалось угрозы, а лишь настоятельная просьба.

Парень, не знавший, кто такой Бах, пугливо оглянулся и выронил кассеты на сиденье машины. Затем, когда понял, что мужчина один и рядом с ним никого больше нет, его губы расплылись в мерзкой улыбке.

– Топай, мужик, отсюда подобра-поздорову, пока цел. Возьмем, что надо, и уйдем. И язык за зубами держи, а то мы тебе его быстро отчищаем.

– И бороденку проредим, – отозвался второй, продолжая дергать магнитоу.

– Пошли вон! – мужчина шагнул к своей машине и положил руку на плечо парню, до половины залезшему в салон.

Он секунду выждал, словно давал время грабителю одуматься и самому выбраться из «Жигулей», а затем потащил его на себя. Здоровенный парень почувствовал, что, если не разожмет сейчас пальцы, или руль оторвется, или руки. Со стороны казалось, что мужчина просто выпроваживает парня, а тот повинуется словам, а не невероятной силе. Любитель кассет, не понимая, что происходит, и думая, что его приятель просто испугался, схватил мужчину в черном за руку и попытался выкрутить запястье. С таким же успехом он мог бы попытаться закрутить штопором ветку дуба.

Еще секунда – и двое парней оказались сидящими на мокром асфальте, с ужасом взирая на спокойного мужчину, который чувствовал себя настолько уверенно, что даже не стал бить их ногами. Третий грабитель, прятавшийся за хлебным фургоном, пока еще раздумывал, броситься бежать или прийти на выручку приятелям. Легкость, с которой мужчина обезвредил его друзей, ввела его в заблуждение. Ему показалось, что приятели позорно испугались. Себя же он трусом не считал. Он запустил руку в карман и вытащил нож с выкидным лезвием. Пружина мягко сработала, беззвучно выдвинув длинное, узкое, обоюдоострое лезвие.

Пригнувшись, грабитель сделал два прыжка и, прежде чем мужчина успел обернуться, всадил ему нож в бок, под ребра, целясь в сердце.

Лезвие уперлось во что-то упругое, затем пробило его, уйдя в сторону. Нож торчал, вогнанный по самую рукоятку. Выдернуть его парень уже не смог. Мгновенно вспотевшие пальцы соскользнули с костяной накладки. Он отступил на шаг и замер, глядя на черную рукоятку. Мужчина медленно обернулся, затем, как тигр бьет лапой, мягко и стремительно толкнул убийцу ладонью в грудь. Тот пролетел те два шага, которые отделяли его от фургона, глухо ударился в жестяной борт спиной и сполз на асфальт, прямо под заднее колесо.

Мужчина в черном презрительно посмотрел на грабителей, продолжая стоять ровно и непоколебимо, словно пятнадцатисантиметровое лезвие не вошло ему в бок. Он обхватил рукоятку пальцами и, резко потянув, выдернул нож. Лезвие сверкнуло в тусклом свете фонаря, чистое и отполированное, словно его только что протерли носовым платком. Мужчина одной рукой легко сломал его и бросил обломки в лужу.

Двое грабителей, сидящих в луже, пятась, поползли, боясь встать на ноги. Добравшись до кустов, они вскочили и, забыв о приятеле, побежали сквозь заросли, но не в темноту, а к зданию вокзала, спинным мозгом чувствуя, что только там, где светло, среди людей они могут спастись.

- Сатана, мать его... – кричал один из них.
- Где Петруха? – опомнился второй, заскакивая в зал ожидания.
- Хрен с ним!
- Уходим.

Грабители вихрем пронеслись сквозь зал ожидания и, выскочив на перрон, запрыгали по рельсам, как испуганные зайцы, попавшие в свет фар. Они бежали, то спотыкаясь, то высоко скидывая колени, обливаясь потом, хотя за ними никто не гнался, никто не кричал им вслед «стой».

Грабитель, пытавшийся нанести удар ножом, пришел в себя. Он видел фигуру мужчины, стоявшего у машины, и ему показалось, что вокруг того золотится сияние, хотя это был всего лишь тусклый свет фонаря. Парень на четвереньках пополз к ногам незнакомца и, запрокинув голову, жарко зашептал:

- Не губите! Простите, я не хотел... простите меня...
- Ступай с Богом, – проронил мужчина и потерял всякий интерес к бандиту.

Не сгибаясь, он сел за руль, но захлопывать дверцу не спешил. Невдалеке от машины стояла молодая женщина в черном, сползшем на шею платке. Она смотрела абсолютно спокойно, словно не у нее на глазах только что пытались убить владельца «Жигулей». Рядом с ней, прямо на мокром асфальте, стояла большая дорожная сумка.

– Вы в Ельск? Садитесь, – произнес мужчина в черном, – подвезу.

Его мягкий голос вывел женщину из оцепенения. Она подошла и села на переднее сиденье. Не говоря ни слова, мужчина выбрался из машины, поднял с асфальта забытую женщиной сумку и поставил ее в багажник. Женщина сидела так, словно ей было все равно, забрали ее багаж или нет.

– Я не ошибся, вам в Ельск?

Женщина кивнула.

Впереди заблестела большая река. «Жигули» въехали на мост, водитель глянул вправо. По железнодорожному мосту с грохотом несея состав, ярко горели окна последнего, почтового вагона.

До самого Ельска они не обменялись ни словом. Водитель даже музыку не включал, но тишина в салоне не казалась тягостной. Каждый из них был погружен в свои мысли. Они хоть и сидели рядом, но расстояние, разделявшее их, оставалось огромным.

Уже в городе женщина сделала робкую попытку расплатиться. Развернула бумажник. Под немного потертым пластиком хранилась фотография: старик в каракулевой папахе счастливо улыбается, обнимая двух внуков и внучку в белой косынке.

– Ваши дети? – спросил Холмогоров, взглядываясь в фотографию.

– Мои. Муж снимал, потому его на снимке и нет.

– Вы мне ничего не должны, – Холмогоров отвел руку с бумажником.

Глава 2

– Еще три часа до Ельска ехать, – сказал майор Грушин, отворачиваясь от ночного, забрызганного каплями дождя окна вагона.

– Впервые не хочется возвращаться домой, – ответил сержант Сапожников, и его рука потянулась к подрагивающему на столе граненому стакану, в котором плескался спирт.

– Дай водички разбавить, Паша.

– Пей так, – ответил сержант Куницын, но чайник все же подал.

Сержант Сапожников аккуратно развел спирт в стакане, глянул в черное, похожее на речной омут ночное окно и медленно, нудно, без энтузиазма принялся глотать обжигающую жидкость. Разбавленный на треть спирт казался неприятно теплым.

«Теплый, как кровь», – подумал сержант.

Но говорить про кровь вслух не рискнул. Это была запретная тема. Все думали о крови и смерти, но произносить эти слова никто не решался, боясь нарваться на отборный мат.

Майор Грушин передернул могучими плечами, расправил на коленях спецназовский берет. Его камуфляжная куртка, звякнув медалями, упала за спину. Он даже не стал ее поднимать.

– Ох, тяжело, ребята, никогда еще так тяжело на душе не было!

Сержант Куницын, не шевелясь, исподлобья посмотрел на майора:

– Даже не знаю, кому сейчас лучше – нам или им, – и он, не оборачиваясь, указал через плечо незажженной сигаретой без фильтра на перегородку.

В этом же вагоне, за перегородкой, в свежеструганых, пахнущих смолой деревянных ящиках тряслись вместе с тремя захмелевшими спецназовцами их погибшие товарищи, запа-янные в цинковые гробы.

Прошлая командировка в Чечню для бригады спецназа из города Ельска оказалась на удивление удачной, хотя им пришлось и штурмовать Грозный, и зачищать его. Никто из роты даже не был ранен. Тогда они возвращались под бравурные марши, счастливые, звеня наградами. А вот нынешняя командировка не задалась.

В первую же неделю отряд потерял, напоровшись на засаду в горах, четверых бойцов – одного офицера и трех сержантов. Пятеро в том тяжелом бою получили ранения. И майор Грушин понимал: эти пятеро если и встанут в строй, то не скоро. Как сказали медики, их жизни вне опасности, но ранения очень серьезные.

Майор был мрачен – то несчастье в Чечне произошло слишком неожиданно.

Спирт никого не брал, спецназовцы уже четвертые сутки находились в состоянии полухмельной озлобленности. И не приведи Господь, если бы их кто-нибудь случайно заценил! Спасало лишь то, что они ехали в отдельном почтовом вагоне, прицепленном к пассажирскому составу.

– Отсюда я дорогу уже хорошо знаю. Сейчас будет мост, – сказал сержант Куницын и крепко прижал горячую небритую щеку к холодному стеклу окна, словно капли дождя с той стороны могли охладить ее.

Стало слышно, как грохочет над ночной рекой дизель, идущий впереди состава. Последний вагон зашатало сильнее, и Олег Сапожников прислонился к майору.

Майор обнял сержанта за плечи, прижал к себе:

– Не убивайся, Олег. Война, брат, она такая... всегда забирает лучших.

Один из погибших, сержант Борис Батюшков, был двоюродным братом сержанта Сапожникова. Они жили на одной улице, вместе ходили в школу, только в разные классы, вместе пошли служить в армию, а затем остались контрактниками.

Поезд прогрохотал по мосту и въехал в высокий лес, подступавший к самой насыпи.

– Ну вот, еще меньше осталось, – сказал майор, глядя на стакан, – налей-ка мне еще.

Куницын налил майору полстакана спирта, хотел плеснуть воды, но майор резко прикрыл стакан широкой ладонью.

– Не стоит.

Он залпом проглотил спирт и закурил. Сигарета медленно намокала в потных пальцах. Лишний, если считать по количеству пьющих, стакан, один на четверых погибших, накрытый успевшим зачерстветь ломтиком хлеба, подрагивал у самого окна. И время от времени пульсирующий ртутный блик от встречного поезда, вспыхивал на поверхности жидкости.

Майор Грушин затянулся и, промокнув вспотевший лоб волосатым предплечьем, мягко и нежно произнес:

– Вы, парни, особо не распространяйтесь, что произошло и как.

Сержант Сапожников пожал плечами:

– А что рассказывать? Глупо получилось...

– Смерть – она всегда дура, – глухо отозвался майор, успевший повоевать еще в Афганистане.

Он нервно сжимал в пятерне берет, вытирая о него вспотевшую ладонь. Курил так, словно сидел в засаде, окурок целиком прятался в огромном кулаке. Так же курили и сержанты. Привычка стала неистребимой, по-другому они уже не умели.

Еда, разложенная на столе, оставалась практически нетронутой. Закусывали лишь хлебом и маленькими ломтиками сала. К яйцам и колбасе никто не прикоснулся.

– Полковнику я сам доложу, – не обращая ни к кому конкретно, сказал майор.

Эту фразу он повторил за дорогу уже раз пятьдесят, первый раз сказав ее тогда, когда узнал, сколько человек погибло. И вот теперь, на подъезде к Ельску, он произнес ее вновь.

– Хорошо ракетчикам, – избегая смотреть в глаза майору, сказал сержант Сапожников, – сидят в бывшем монастыре, и все им по хрен. Крутят ручки, на экраны смотрят...

– Что ж ты в ракетчики не пошел?

– Не люблю я это дело. Они там жизни совсем не чувствуют.

Майор чуть заметно усмехнулся, подумав, что не чувствуют жизни и четверо его ребят, лежащие в цинковых гробах. Но промолчал, что подделаешь, вспомнил – тема смерти при всей ее актуальности остается запретной.

Но запрет на то и есть запрет, чтобы его время от времени нарушали.

– Да, глупо, – отозвался Куницын, – никакого геройства. А все разведка виновата. Они давали маршрут, говорили, впереди чисто.

– А своя голова зачем?

Майор Грушин чувствовал свою вину, хотя и сделал все так, как предписывал устав и подсказывал боевой опыт. Никто его и не упрекал, все понимали, что вины майора тут нет. Но от этого на душе становилось еще противнее. Майору казалось, что погибнуть должен был он сам, а если остался жив, то должен что-то сделать, как-то искупить гибель подчиненных. Что именно – он не мог понять, ощущая полное бессилие.

Спецназовцы замолчали, прислушиваясь к грохоту колес. Этот грохот напоминал одновременно и раскаты далекой канонады, и невнятное бормотание.

– А у Комарова жена красивая, – ни с того ни с сего сказал сержант Куницын, томно закатив глаза к низкому потолку.

– Он ее из Москвы привез.

Майор с осуждением посмотрел на сержанта, но не знал, что возразить. Жена у Комарова и впрямь была красавица, на нее заглядывались многие из бригады.

– Уедет она из Ельска. Что ей тут делать? Детей у них нет, не успели нажить, – проговорил майор Грушин.

И тут же вспомнил, словно это было вчера, а не полгода тому назад, свадьбу Алексея Комарова, которую тот закатил на берегу реки Липы. Вспомнил влажный грозового воздуха бесконечной, мерцающей крупными звездами ночи, вспомнил, что натанцевался до такой степени, что натер мозоль. Стоя на обрыве, чтобы не видели гости, разулся, снял новые черные туфли с квадратными носами, стащил носки и, стоя босиком в костюме, в белой рубашке и галстуке, с непривычно ароматной сигаретой в огромных заскорузлых пальцах, наслаждался тишиной и спокойствием. Тогда он потанцевал и с женой Васи Макарова, и с женой Лешки Комарова.

Своей жены у майора, можно сказать, не было. Уже четыре года как они разъехались. Она перебралась из Ельска в Тулу к родителям, забрав с собой двух их сыновей. В то время майор отказался от выгодного предложения и не перешел на преподавательскую работу. Ему предлагали переехать в Питер, и он, не посоветовавшись с женой, отказался. А придя домой, как последний дурак, похвалился. Жена взглянула на него так, как смотрят на смертельно больных – с легкой брезгливостью и жалостью. Жалость была недолгой. Жалела она не его, а себя. И когда майор Грушин через неделю вернулся с полигона в однокомнатную квартиру, та встретила его пустыми шкафами и короткой запиской: «Мы уехали к родителям».

Он пробовал вернуть жену, ездил в Тулу, даже пил с тестем, но жена оказалась непреклонной. Единственное, что грело майора Грушина, так это то, что за все четыре года ни жена, ни он не подали на развод, даже разговора об этом не возникло.

Сержант Сапожников задремал, уткнувшись головой в стол. Паша Куницын сидел запрокинув голову, с тлеющей сигаретой в губах.

– Ну как, Паша, уволиться не хочешь?

– Нет, майор, мне больше на гражданку дороги нет. Я теперь «духов» ненавижу люто. Теперь они все – и мирные и немирные – мои враги. Я им устрою «газават», всех буду убивать! Нет в моем сердце, майор, ни капли жалости к ним. Сердце у меня теперь железное, что-то внутри произошло, я словно окаменел. Сжалось нутро, когда на «вертушке» ребят из гор вывозили, и не отпустило. И думаю, уже никогда не отпустит. Словно очерствел я, могу раскрошиться, но мягким уже никогда не стану. Я думал, они люди, а они звери.

Майор хотел сказать, что ему не лучше, но не смог заставить себя произнести эти слова. Лишь губы скривились, острее выступили складки, четче прорезалась линия между сомкнутыми бровями.

– Отойдешь, Паша, оттаешь. Поймешь, что и мы люди, и они люди.

– Нет, уже не оттаю. И ребята мне сказали, что теперь – все. Теперь, майор, мы их щадить не будем. Они нас не щадят, и мы не станем.

– Страшная штука – война, непонятная, жестокая, как бритва. Только прикоснешься, боли не почувствуешь, а уже видишь кровь, а когда и боль почувствуешь, совсем неможешь.

– Знаете, – сказал сержант Куницын, глядя в пустой стакан, – Потемкин у меня на руках умирал. У него такие глаза были, майор... Такие глаза... Я смотреть в них не мог... А он меня за рукав теребит, силы уходят, пальцы слабеют, разжимаются, губы шевелятся... А слов не слышать... шевелятся, как листья. Я нагнулся к нему и кричу: «Коля, Коля, потерпи, родной, потерпи!» Хотя понимаю, не жилец он уже, да и он понимает, а все за жизнь цепляется, что-то сказать хочет, попросить о чем-то. Так и не сумел сказать. Я вот все думаю, что он губами шевелил, о чем просил? Может, о чем-то сказать хотел, прощение попросить?

– Конечно, важное, – выдавил из себя майор. – Когда человек умирает, когда жизнь из тела уходит, о пустяках не вспоминаешь. Ты бы что сказал?

Куницын задумался:

– Не знаю, майор, со мною такого еще не было. Может быть, маму вспомнил бы, а может, батю. Или закурить попросил бы...

– Еще, Павел, выпьем?

– Давайте, майор.

Пашка быстро разлил спирт – на два пальца в каждый стакан. Посмотрел на майора. Тот взглянул на черствый ломтик, прикрывавший стакан, и они молча выпили.

– Скоро приедем, – вытирая ладонью губы, сказал Куницын.

– Ты бы поспал, Паша, часок.

– Не могу я спать, все Колькины губы вижу, пытаюсь услышать, а не могу.

– Тогда выпей еще.

– Спирт кончился, майор.

– Как кончился? – ужаснулся командир.

Выходило, что за четыре дня дороги выпили четыре литра спирта и не заметили этого.

– Перед самым рассветом приедем, – глядя на именные командирские часы, произнес майор Грушин.

– Я еще никого в жизни не хоронил.

– Ну вот, для тебя это впервой. А для меня дело, казалось бы, привычное. Но каждый раз все по-новому.

– В Афгане страшно было?

– Легче, не так, как здесь. Те по-русски не говорили – ни в зуб ногой, а чечены все по-русски умеют, как свои. И знаешь, что интересно, Куницын, я с чеченцами в Афгане воевал. Два лейтенанта, чеченцы, у нас в батальоне служили, хорошие парни, настоящие солдаты. А теперь они, наверное, на другой стороне воюют.

– Да уж, не с нами они, не свои...

– Вот видишь, как бывает! Там мы вместе были, как пальцы в кулаке, а здесь по разные стороны, убить друг друга норовим. Вот жизнь какая! Скажи нам тогда, что мы друг в друга стрелять станем, морду бы набили. И я и они вместе в военное училище поступали, вместе на полигонах, в одной казарме, из одного котелка хлебали, всегда всем делились. А сейчас заклятые враги...

– Чего ж удивляться, не русские они, этим все сказано, – произнес Куницын.

В отличие от майора, он был предельно прост. О том, кто именно его враг, не задумывался, вернее, старался не задумываться. Все они были одинаковые – злые, жестокие, мерзкие, и всех их теперь следовало убивать без капли жалости.

– Мужики сказали, когда гробы грузили, что больше в плен «духов» брать не станут, всех будут убивать.

– Это они сгоряча. Мало ли что в запале брякнут? Жизнь – она все на свои места расставит. Да и чеченец чеченцу рознь.

– Все они – гады! – убежденно выкрикнул Куницын. – Все до единого – и мал и стар! Всех их кончать надо! Что за долбанный поезд? Вроде и едем, а вроде и на месте стоим...

– Ты, можно подумать, торопишься, Паша?

– Я не тороплюсь, я в Чечне хотел остаться. Но ребята попросили меня поехать.

«А вот меня никто не просил, – подумал майор Грушин, взял берет и вытер вспотевшее лицо. – Там проще, тут сложнее».

Минут за двадцать до прибытия в Ельск майор тронул за плечо дремавшего сержанта. Сапожников судорожно дернул головой, вскочил на ноги и глупо засмеялся.

– Что такое? Тревога?

– Успокойся, к дому подъезжаем, сержант. Давайте, мужики, умоемся, приведем себя в порядок, а то выглядим как бандиты.

Через двадцать минут поезд дернулся и замер. На перроне уже стояли крытый тентом «Урал» и десять спецназовцев в камуфляжной форме. К составу они не подходили, ждали, когда разойдутся пассажиры.

«Слава Богу, женщин нет», – подумал майор, потуже затягивая ремень.

Куницын припал к стеклу лбом, пытаясь разглядеть лица встречавших людей.

– Вон капитан стоит, а вон подполковник, – сказал он, различив два знакомых силуэта. – Эх, тяжелое же возвращение!

– Уезжали под «Марш славянки», с песнями и плясками, – вспомнил проводы Сапожников.

– Да, действительно, тогда гремел оркестр. А теперь тишина в ушах звенит...

Наконец перрон опустел, и майор открыл дверь вагона. Он спрыгнул на мокрый блестящий асфальт, козырнул подполковнику и тут же пожал руку.

– Здорово, Иван Ильич.

Подполковник обнял майора, похлопал по широкой спине и махнул рукой. Куницын и Сапожников тоже выпрыгнули на перрон.

– Подгоняйте машину! – негромко крикнул Куницын.

«Урал» заревел мотором, за клубился синий дым. Шофер начал медленно сдавать, пытаясь подъехать как можно ближе к почтовому вагону.

– Раненые как? – спросил подполковник, глядя на белые ящики, которые солдаты бережно перегружали из вагона в кузов грузовика.

– В госпитале.

– Остальные как?

– Отдыхают пока, – сказал майор об оставшихся на базе ребятах.

– Завтра генерал приедет, – сказал подполковник, – а может, даже сам министр.

– Какая разница, кто приедет, им-то уже все равно, не встанут по команде, даже если ее сам главнокомандующий отдаст.

Последний гроб исчез в кузове, брезентовый полог опустился.

– Поехали, Иван Ильич, мой УАЗик на площади стоит. Бойцы поедут на автобусе.

– Давай ребят с собой возьмем.

– Пошли в машину, – абсолютно не приказным тоном распорядился подполковник, обращаясь к Куницыну и Сапожникову. – Свое дело вы сделали, недельку дома побудете и назад.

Но дойти до УАЗика майор, подполковник и два сержанта не успели. Им наперерез бросились две женщины в черных платках, они буквально вцепились в гимнастерку майора Грушина. Одна из них истерично закричала:

– Майор, почему мой Коля погиб!?

Майор знал ответ: «Потому, что я жив остался, потому что другие ребята живы».

– Так уж случилось... – майор пытался вспомнить имя молодой женщины, но оно улетучилось из памяти.

Другая женщина, по возрасту чуть старше Грушина, трясла его за правое плечо и тихо плакала, иногда подвывая:

– Почему...

– Война... Они солдаты.

Сапожников с Куницыным стояли и смотрели себе под ноги. Ком подступил к горлу Куницына, он не мог произнести ни единого слова.

– Война, – выдавил из себя Олег Сапожников, – война, Света, война...

– Ой, Олежка! – женщина отпустила майора и бросилась на грудь сержанту. – Ой, Оленька, как же я теперь буду жить? У нас дети, что я им скажу?

Подполковник молча подошел к капитану и зло пробурчал:

– Капитан, откуда они взялись? Кто сказал им, что поезд приходит сегодня?

– Они тут, товарищ подполковник, с самого вечера. Еще одна была, да ушла куда-то.

– Ее «скорая» забрала, – подсказала Света.

Женщин посадили в УАЗик подполковника, он махнул рукой своему водителю, дескать, гони отсюда быстрее, вези их куда-нибудь поскорее и подальше. УАЗик резко рванул с места.

Солдаты быстро загрузились в автобус. На привокзальной площади остались четверо – майор, два сержанта и подполковник в плащ-палатке. Руки он спрятал в прорехи и поэтому выглядел немного несуразно, словно был инвалидом.

– Ты сейчас куда, Иван Ильич? – спросил он у Грушина.

– Домой пойду, помоюсь, побреюсь, приведу себя в порядок. А утром – в часть.

– Хорошо. И вы, ребята, давайте по домам. Уж извините, что не подвез.

– Ничего, нам тут недалеко, через десять минут дома, – сказал Сапожников. – Разрешите идти, товарищ подполковник?

– Идите, ребята.

– Мы завтра утром тоже приходим?

– Нет, не завтра, уже сегодня. Часикам к двенадцати. Отдохните немного.

Привокзальная площадь опустела, как пустеет театральная сцена, когда уходят откланявшиеся актеры. Черный пес с обрубленным хвостом наискосок перебежал площадь, остановился на том месте, где недавно стоял майор Грушин, сел, задрал голову в светлое предрассветное небо и громко, пронзительно заскулил.

Глава 3

Подполковник Кабанов, заместитель командира бригады по воспитательной работе, не был особенно обременен служебными обязанностями. Поэтому командир бригады и поручил ему решить вопрос с городскими властями о месте захоронения.

В Ельске было два кладбища – старое и новое. На старом уже давно никого не хоронили. Оно уцелело чудом: лишь благодаря тому, что на нем были могилы известных революционеров. Известных, естественно, в местном масштабе, но за неимением других героев в Ельске в советские времена чтили и этих, на нем были похоронены два Героя Советского Союза и три Героя Соцтруда. Новое же кладбище располагалось на другом берегу реки Липы, неподалеку от бывшего мужского монастыря.

Подполковник Кабанов уже в восемь утра ждал мэра у бывшего райкома партии, на котором теперь трепыхался мокрый от ночного дождя триколор. Сменить герб на стене над входом в здание так и не удосужились, старый советский герб старательно закрыли нарисованным на листе толстого металла двуглавым орлом. Краска на орле кое-где уже облупилась.

Видный седоголовый мэр легко пробежал с трех ступенек низкого крыльца и крепко пожал подполковнику Кабанову руку.

– Хорошо, Виталий Алексеевич, что ты с машиной, а то у меня бензина нет, – пожаловался мэр Цветков. – Да и бюджетникам платить нечем, сказали недавно, что скоро начнут бастовать.

Иван Иванович Цветков говорил так, словно подполковник приехал просить у него денег, а он действовал на опережение. Из кармана помятого пиджака мэра торчали три авторучки – две золотистые, одна серебристая. Ни одна из трех ручек не писала. Без приглашения мэр Цветков забрался на переднее сиденье командирского УАЗика. Подполковнику ничего не оставалось, как устроиться на заднем сиденье.

– Я план кладбища взял, – мэр вытащил из кармана в восемь раз переложженный затертый лист толстой бумаги и принялся его разглаживать на приборной панели, закрывая обзор водителю. – К ракетчикам давай, – он командовал шофером так, словно это был его личный водитель.

УАЗик помчался по городу. На мосту пришлось сбавить скорость.

Делая вид, что не замечает, как часто машину подбрасывает на выбоинах, Цветков, улыбаясь, озирался по сторонам:

– Красота-то у нас здесь какая! И старина! Весна в права скоро войдет, все зазеленеет, сирень зацветет, черемуха...

Подполковник Кабанов поморщился. Напоминание о том, что все зазеленеет, привело его в легкое содрогание. «Зеленка в горах пойдет, – подумал он. – Нашел, дурак, чему радоваться!»

Мэра он недолюбливал, хотя толком и не знал за что. Мэр делал все, что от него зависело. Но что он мог сделать? Два завода, имеющиеся в городе, давно слыли банкротами, хотя до сего времени кое-как работали. Не выбросишь же людей на улицу?

Перспективу моста замыкал бывший монастырь. Асфальт на мосту был неровный, но надежность конструкций ни у кого сомнений не вызвала. Ракетчики, расположившиеся в монастыре, время от времени прогоняли по нему свои тягачи. Мост дрожал, вздыхал, но тяжесть выдерживал.

– Хорошо раньше строили, – сказал мэр. – Монастырю вот уже двести лет, а издали смотрится как новый.

Отсюда уже можно было рассмотреть колючую проволоку и предупредительные знаки. Монастырь был выбелен, знаки покрашены. На фоне серо-желтой травы это были единствен-

ные яркие пятна, привлекавшие взгляд. За монастырскими башнями и колокольнями виднелись антенны локаторов, серые и мрачные, похожие на протертые пятки шерстяных носков.

Крестов на монастырских башнях не было, их сбросили оттуда еще в двадцать пятом году. Снесли бы и сам монастырь, не расположись в нем военная часть. Вначале там стоял кавалерийский полк, потом, после войны, его сменили артиллеристы, на смену им пришли ракетчики.

Святодуховский монастырь в городе Ельске славился на весь военный округ огромными крысами, населявшими казематы. Ракетчики освоили лишь верхнюю часть культового комплекса и цоколь, а в глубокие подземелья соваться боялись. Поговаривали, что там могилы монахов, но никто этих могил не видел. Еще при кавалеристах забетонировали все ходы в подземелье, но крысы спокойно шастали туда и обратно по одним только им известным лазам.

До семьдесят пятого года крысы и военные сосуществовали достаточно мирно. Иногда ракетчики давали крысам «прикурить», вытравливая и выкуривая мерзких грызунов из подземелья. Иногда крысы давали бой ракетчикам, но никогда эта война не велась на полное уничтожение, поскольку ракетчики понимали, что уничтожить крыс можно лишь вместе с монастырем. В свою очередь, наверное, и крысы понимали, что военных можно извести только вместе со зданием.

Но в семьдесят пятом году произошло событие, потрясшее командира бригады до глубины души. Огромная монастырская крыса с обрубленным хвостом, которую солдаты за черный цвет шерсти прозвали Батюшкой, настолько уверовала в свою безнаказанность, что на рассвете подобралась к задремавшему на посту у знамени части часовому и укусила его за ногу.

Перепуганный часовой, не понимая, что происходит, истошно закричал и открыл пальбу. Крысу, естественно, не убил, Батюшка ушел живым и невредимым, попробовав человеческой крови.

А вот солдату досталось. Ему еще повезло, что он не прострелил знамя, а лишь разбил два стекла в окнах и изрешетил стены. Несмотря на то что он отстоял честь знамени, ему впаляли десять суток гауптвахты и кучу нестерпимо болезненных уколов в живот. Это наказание придумал начальник санчасти, и возразить ему было нечего. Поймать Батюшку и проверить, не болен ли он бешенством, не мог никто. После этого инцидента военные умельцы смастерили из толстого авиационного плексигласа купол, похожий на надутый презерватив. Со временем купол помутнел, и теперь через него с трудом просматривалось багряное знамя части.

Обо всем этом, проезжая по мосту, вспомнил подполковник Кабанов и решил, что, в общем-то, неплохо то, что бригада спецназа разместилась на другом конце города в относительно новых зданиях, где нет ужасных смердящих подземелий, населенных огромными крысами. О том, что крысы огромные, подполковник Кабанов знал не понаслышке. Иногда ракетчикам удавалось поймать в капкан нерасторопную монастырскую крысу, жирную и сильную, с лоснящимся мехом. И тогда ракетчики демонстрировали их любопытным: крысы по размеру были чуть меньше котов, а зубы имели, как сапожные гвозди, неровные и острые.

Проезжая рядом с монастырем, подполковник Кабанов вспомнил, что предыдущий командир ракетной части решил извести ужасных крыс и придумал оригинальный способ – за убитую крысу накидывал к отпуску одни сутки. Поначалу дело пошло. Крысиные хвосты солдаты приносили на плац. Хвостов было много, солдаты старались. И только через два месяца, когда крыс меньше не стало, командир понял, что способ неэффективен, потому что крысы размножаются намного быстрее, чем их убивают, а увеличение отпусков солдат лишь подрывает боеготовность подразделения.

– Приехали, Виталий Алексеевич, – подруливая к новому кладбищу, сказал мэр, поворачивая седую голову.

Машина остановилась на краю кладбища, которое совсем недавно расширили, прирезав к нему кусок пустыря. Со стороны города – с парадного фасада – кладбище имело бетонный

забор и арку входа, дальше шло что-то среднее между тюремной оградой или же оградой полигона – деревянные столбы и колючая проволока.

Подполковнику предстояло сделать выбор, в каком именно месте похоронить погибших бойцов. О том, что хоронить их нужно всех вместе, уже договорились с родственниками, – как-никак, похороны проводились за счет МВД.

Мэр и подполковник Кабанов ступили на грязную землю. Под ногами чавкала вода.

– Здесь хоронить нельзя, – покачал головой подполковник Кабанов, – река по весне разливается, подтапливает.

На старой части кладбища, в низине, серебрилась вода, из-под которой торчали кресты и ветхие оградки старых могил.

– Выше надо, – запрокинув голову, сказал мэр, с отвращением чувствуя, как его ноги вязнут в раскисшей земле.

Вновь отведенная территория в основном лежала на низком берегу, и лишь самый угол кладбища прихватывал двойной холм, на большей вершине которого виднелись три березки.

– А что, Иван Иванович, если похороним там, наверху, под березками?

– Можно и под березками, воля ваша, – согласился мэр. – Извини, Виталий Алексеевич, чувствую, четырьмя гробами мы не обойдемся, а там места много. Дорожку к могилам проложим, песочком посыплем...

Выложить дорожку плиткой или заасфальтировать ее мэр обещать не стал. Подполковник Кабанов и не просил: асфальта не хватало даже на то, чтобы подлатать площадь перед мэрией. По раскисшей земле, перепачкав ботинки, подполковник и мэр добрались до холма, взобрались по довольно крутому откосу и остановились под березами. Место было красивое: отсюда открывалась чудесная панорама на монастырь, реку и город.

– Зазеленеет – красота-то какая будет! – вздохнул мэр. – Все зацветет, люди будут сюда приходить, цветы приносить. Школьники опять же... Мы их обяжем за могилами ухаживать, как-никак, своих хороним, все ребята-то местные.

Подполковник несколько раз сильно ударил по земле твердым каблуком ботинка. Земля была мягкой, но не от влаги.

– Песочек вроде внизу. Это хорошо, сухо.

– Еще бы, на холме сухо. Скажи своим ребятам, пусть тут копают. Сам уж реши, влево или вправо расширяться. Но дорожка, наверное, от кладбища пойдет наискосок. Красивая аллея получится, деревья посадим, цветы – все сделаем. Сирень, черемуха, пчелы жужжать станут, птички петь. Хорошо здесь будет нашим ребятам лежать, спокойно, – и мэр посмотрел на часы.

Цветков сбросил напыщенность и из официального чиновника сделался совсем домашним человеком. Он по-бабьи подался к подполковнику и шепотом поинтересовался, словно на продуваемом ветром холме их мог услышать кто-то посторонний:

– Как их поубивало? Наверное, врут по телевизору, больше наших убивают? Победим мы этих чеченцев когда-нибудь или нет? Россия, конечно, должна быть большой и сильной, мы своей земли никому ни пяди отдавать не должны, – шептал мэр, глядя на заросший серой травой бесхозный пустырь. – Это же наша, исконно русская земля, там наши деды и прадеды головы сложили, как же мы ее мусульманам отдадим?

Подполковник вздохнул. Он сам знал немногим больше мэра.

– В засаду они попали. В горах... ночь, темно, кто ж там разберет?

– Сколько чеченцев было?

– Ребята говорят, огонь был шквальный, перекрестный, – и подполковник Кабанов махнул рукой. – Со всех сторон стреляли.

– Наши-то как, дали им прикурить?

– Дали, – не очень убежденно ответил подполковник.

– Скольких положили?

– Кто ж посчитает? Трупы чеченцы с собой унесли, у них положено до заката солнца хоронить.

– И мы своих забрали, – сказал мэр и, поняв, что большего не узнает, достал платок, высморкался, потер заслезившиеся от ветра глаза и зябко повел плечами. Было холодно, хотя и пригревало солнце.

Через час к кладбищу подъехал «Урал», тот самый, на котором перевозили гробы. Из кузова не спеша выбрались солдаты, а из кабины выскочили два прапорщика в краповых беретах.

У солдат в руках были новенькие лопаты, с которыми они понуро потянулись на холм. Им предстояло выкопать четыре ямы. Прапорщик разметил могилы, посоветовался с другим прапорщиком. Тот пригнулся, посмотрел, ровно ли вбиты колышки и, не найдя, к чему придраться, сказал:

– Лады, ребята, копайте. Копайте, для себя.

Прапорщик взял лопату и сам принялся срезать дерн. Вскоре на вершине холма зажелтели заметные издаലെка четыре желтых холмика.

Фигура согбенной женщины в черном платке, сидевшей на скамейке возле свежей могилы в старой части кладбища, терялась на фоне безрадостного пейзажа. Ее пальцы нервно теребили мокрый носовой платок, на бледных щеках поблескивали капли. Но это были уже не слезы, а капли дождя.

– Папа, я спешила, поверь! Раньше нельзя было приехать, никак нельзя. Ты уж меня прости. Ты понимаешь, там идет война. Вот мама меня всегда понимала... – глядя на фарфоровый медальон на гранитной плите, говорила молодая женщина.

У свежего деревянного креста стояла фотография в металлической рамке – пожилой мужчина с грустным взглядом смотрел на дочь. Казалось, его тонкие губы произносят: «Зачем ты приехала? Мне уже ничем не поможешь. Я тебя понимаю, дочь, и, поверь, обиды на тебя не держу, если бы мог, дождался».

Алла опоздала на похороны отца ровно на три дня, хотя спешила изо всех сил. Ее отца похоронили друзья и соседи, об этом свидетельствовали надписи на черных лентах венков с искусственными цветами. Живыми были лишь те шесть гвоздик, которые принесла с собой дочь, приехавшая из Чечни. Казалось бы, двадцатый век, телеграф, телефон, почта, поезда, самолеты. Но о болезни отца она узнала слишком поздно, даже на похороны не успела.

Ее отец по врачам ходить не любил. Простудился и думал, все обойдется: чай с медом, отвар из трав... Но простуда оказалась коварной. Двухстороннее воспаление легких, температура под сорок. Когда его положили в больницу, было уже поздно. У родителей Алла была единственной дочерью, и отец с матерью отдали ей все. Она закончила школу с золотой медалью, оказалась в Питере, училась в университете, где и познакомилась со своим будущим мужем, чеченцем, студентом медицинского института Руманом Будаевым. Руман и Алла с первой встречи почувствовали, что созданы друг для друга. Они даже не задумывались о том, насколько они разные – разные религии, разное воспитание.

После завершения учебы они оказались в Грозном. Руман был детским врачом, Алла – учительницей. В те времена никто и не думал о войне, о том, что огромная империя начнет распадаться на куски, как сгнившее, обветшавшее лоскутное одеяло.

Еще в Грозном у Аллы и Румана родились трое детей – девочка и двое мальчиков-близнецов. Когда жить в Грозном стало невыносимо, Руман забрал жену и детей и перебрался в поселок, где жили его родители и братья. Алла понимала, что в душе родственники и односельчане упрекают ее мужа за то, что тот взял в жены русскую, но вслух никто об этом не говорил, потому что ни в чем другом упрекнуть Аллу было невозможно. Она с неподдельным почтением относилась к родителям мужа, страстно любила детей и, возможно, еще больше любила своего мужа.

Со временем все встало на свои места, Аллу приняли в семью, она стала своей, такой же родной для родителей Румана, как и собственные дочери.

Алла сидела на мокрой скамье с самого рассвета, не чувствуя холода. Она даже не подняла голову, не обернулась, когда на кладбище появились военные, хотя слышала их голоса, разбирала все слова. Но то, о чем говорят люди, до нее не доходило, каждое слово существовало отдельно, не связываясь с предыдущим и последующим. Фразы не приобретали смысла, они все были расчленены в ее сознании.

И вдруг женщина вздрогнула, но не от испуга, что-то теплое коснулось пальцев ее свесившейся руки. Она медленно повернула голову, оторвав взгляд от фотографии отца. Прямо у ее ног, на холодной раскисшей земле, сидел и дрожал щенок.

– Ты кто? – спросила она и испугалась собственного голоса.

Рыжий щенок взвизгнул, тряхнул головой и уткнулся холодным носом женщине в ногу.

– Ты что, один здесь? А где твоя мать? – как у маленького ребенка, поинтересовалась она у щенка и сокрушенно покачала головой. – Нет у тебя родителей... Наверное, злые люди их убили.

Щенок был маленький, рыжий с темными подпалинами. Она взяла его в ладони, посадила к себе на колени, абсолютно не беспокоясь о том, что лапы у щенка грязные, а сам он мокрый. Она поглаживала его голову, чувствуя, что к ее горлу подступает комок и ей не хватает воздуха.

– Бедолага, – произнесла она, – и что мне с тобой делать?

Пригревшийся щенок вздрогнул, привстал, дважды лизнул женскую руку и негромко тявкнул. В его голосе была даже не просьба, а мольба. Алла рукавом вытерла полные слез глаза.

– Не бойся, Рыжий, я тебя не брошу. Наверное, тебя послал мне... – слово «Бог» женщина не хотела произносить, слишком, по ее мнению, он был к ней несправедлив. Она прикрыла щенка полкой плаща, и животное уснуло.

– Вот такие дела, – подумала женщина. – И как же теперь мы с тобой будем жить?

Наверное, Алла единственная во всем городе не знала о том, что погибли ОМОНовцы, ей хватало своего горя. Хотя (вот какая удивительная жизнь) она и «груз 200» прибыли в Ельск из одного места.

Алла почувствовала, что рядом с ней кто-то стоит. Она не слышала шагов, посмотрела на мокрый платок и медленно повернула голову.

– Что, опоздали?

– Опоздала, – ответила женщина.

Бородатый мужчина с копной темных, мокрых от дождя волос стоял, держась двумя руками за выкрашенную небесно-голубой краской ограду.

– Это мой отец, – сказала она так доверительно, словно незнакомец был ее другом, старинным приятелем.

Только внимательно всмотревшись, она узнала в нем мужчину, который подвез ее из Старого Бора в Ельск. Этой ночью она ехала в его машине, спеша к отцу и уже зная, что опоздала.

– Вы священник? – спросила женщина.

– Не совсем, – ответил мужчина в черном. – Тебе плохо, – мягко сказал он, не спрашивая, а утверждая.

– Уже полегче, все-таки я добралась.

– Не твоя вина, что ты не успела. Наверное, как должно было произойти, так оно и произошло.

Он говорил так, словно знал о ней больше, чего-то не договаривал. А женщина и не хотела знать, о чем умалчивает этот непонятно откуда взявшийся человек.

– Ты простынешь, – сказал мужчина, – иди домой.

– Вон мой дом, – сказала женщина, показывая рукой на другой берег реки, – с зеленой крышей. Но там никого нет, меня там уже никто не ждет и больше не будет ждать.

– Я знаю. Дождь кончится завтра.

Женщина поднялась, проводила взглядом удаляющегося незнакомца, аккуратно закрыла калитку, накинув проволочную петлю на два столбика, и неторопливо двинулась к мосту.

Пройдя шагов десять, она присела на корточки и опустила щенка на тропинку.

– Просыпайся, Рыжий, пойдешь своими ножками, – в ее голосе звучала нежность.

Щенок испугался, завертелся на месте, затряс головой. Подобие робкой улыбки появилось на женском лице, изменив линию твердо сжатых губ.

– Да не бойся ты, малыш. Иди за мной. Вон наш дом. Будет и у тебя крыша над головой.

Щенок, наверное, понял, чего от него хотят, и, смешно семеня короткими лапами, побежал за женщиной. Время от времени она приостанавливалась, ждала его, подбадривая голосом:

– Не отставай, Рыжий.

Щенок повеселел, он понял, что в его жизни появилась хозяйка и теперь его существование наполнилось смыслом, так как будет кому служить и кого защищать.

Но все малыши одинаковы – вокруг такой огромный мир и так много всего интересного: вон синичка присела на ржавую ограду – никак не пробежишь мимо, надо испугать мокрую птицу и тявкнуть; вот бархатный шмель, огромный, с блестящими крыльями, выбрался на лист крапивы и начал враждебно гудеть – и на него надо тявкнуть, а то еще укусит хозяйку. Да и вообще, мир бесконечен и так разнообразен.

Женщина остановилась, покачала головой, погрозила щенку пальцем.

– Если ты во все будешь совать нос, то мы и до вечера не доберемся домой.

Щенок завилял коротким хвостом и помчался по тропинке, обгоняя хозяйку, словно знал дорогу.

На кладбище все люди думают об одном и том же – о том, что смерть неожиданна, что жизнь коротка, что к смерти надо готовиться. Но жизнь так устроена, что о смерти вспоминаешь, лишь столкнувшись с нею. Скользя взглядом по памятникам, любой человек проводит несложные арифметические вычисления: от 1998 отнять 1954, получается 44. Много это или мало? Если сам прожил больше, то мало, а если тебе лет двадцать пять, то много. А если в ответе получается 92, то удивляешься, какой долгий век отмерила судьба незнакомой старушке. Интересно, за что Бог к ней так милостив? И почти никогда не задумываешься о том, что, может быть, из этих 92 лет 70 лет человек страдал от тяжелых болезней и ни одного года не прожил в свое удовольствие. Или из этих 92 лет человек лет 25 провел в тюрьме. Ведь об этом на памятниках не пишут.

– Кто это внизу ходит? – спросил один прапорщик у другого. Они уже стояли под берегами и курили, предоставив работать солдатам.

Прапорщик близоруко прищурился, пытаясь рассмотреть мужчину в черной одежде, который пробирался среди могил, явно направляясь к холму.

– Хрен его знает!

Мужчина выглядел странно. Он был во всем черном, слишком длинный расстегнутый плащ поверх костюма, темная рубашка с белым воротничком-стойкой. В руке он держал кожаную папку. Он приостановился там, где кончались захоронения, подошел к одной из могил и положил ладонь на ограду. Ветер развеивал длинные, волнистые, темные волосы, шевелил густую бороду.

– На попа похож, – проговорил прапорщик.

– Откуда тут попу взяться? Ни одной церкви в городе не осталось, все коммунисты разрушили.

Прапорщикам делать было нечего, не копать же землю самим, когда в их распоряжении есть солдаты? Они лишь сделали первый широкий жест – срезали дерн – и теперь стояли у березки, подняв воротники бушлатов, и рассматривали странного мужчину.

Тот не спешил подходить, стоял, смотрел по сторонам, словно кого-то ждал. Но кого можно ждать на весеннем кладбище, на холодном ветру? Зелень еще не распустилась, никто не спешил подновлять оградки, памятники, все выглядело серо и убого. Было еще достаточно холодно, и ельские алкаши не забирались так далеко от города.

– Поп все-таки, – наконец прервал молчание краснолицый прапорщик и пригладил пышные пшеничные усы.

Второй, худой как щепка, не спешил соглашаться:

– Креста на нем нет, а попы с крестами ходят.

– Крест у него, наверное, под одеждой.

Прапорщик выпустил тонкую струйку дыма, которую тут же разметал ветер. Береза упрямо вибрировала под его порывами. Солдаты уже углубились в землю почти по пояс.

Прапорщики на время потеряли интерес к прищельцу и обратились лицами к солдатам, зная, что подчиненных, пусть и выполняющих святой долг, нельзя оставлять без присмотра. Песок, который выбрасывался из крайней могилы, прапорщику не понравился. В нем попадались обломки сгнившей древесины, черная земля. Солдаты рыли по очереди, вдвоем в яме было уже не втиснуться, того и гляди, заденешь соседа лезвием лопаты.

В яме что-то глухо зазвенело, и солдат выругался. Краснолицый прапорщик встал на самом краю могилы, из-под подошв его сапог тонкими струйками стекал почти сухой песок.

– Что там у тебя, Гаврилов?

Солдат и сам не знал, во что уперлось лезвие лопаты.

– Кастрюля или ведро, мать ее... – сказал он, налегая ногой на штык лопаты.

– Какая на хрен, кастрюля? Тут, на холме, отродясь никто не жил.

Прапорщик был из местных и знал, что дома здесь раньше не стояли, во всяком случае, на его памяти и на памяти его родителей.

Гаврилов продавил-таки лезвие лопаты сквозь что-то металлическое и твердое, выворотил глыбу слежавшегося песка. В ней четко просматривались вкрапления ржавчины. Прапорщик присел на корточки и, куря, посмотрел в яму. Гаврилов криво усмехнулся:

– Клад, наверное, товарищ прапорщик.

– Давай-ка его сюда!

Гаврилов аккуратно, уже не налегая на лезвие лопаты, обкопал то место, где, по его разумению, находилось что-то металлическое. Затем ладонью счистил песок и, подковырнув пальцами, извлек из песка ржавую каску времен второй мировой войны. Прапорщик принял находку, впрямь похожую на казан для плова.

– Каска, – задумчиво произнес прапорщик, рассматривая находку. Затем сплюнул под ноги. – Немецкая.

Гаврилов продолжал расчищать песок. Показались две довольно толстые кости. Никаких сомнений в том, что они принадлежали человеку, не было. Все бросили копать и собрались у ямы ефрейтора Гаврилова. Тот извлек череп без нижней челюсти, брезгливо его очистил, затем воскликнул:

– О, зубы золотые!

Когда череп поставили на край ямы, то на солнце стало видно, что коронки не золотые, а из белого металла.

– Что делать, товарищ прапорщик? – растерянно спросил Гаврилов, выкладывая рядом с черепом кости.

– Что тут будешь делать? – прапорщик поскреб щеку. – Подполковник сказал копать здесь, мэр место выделил. Завтра похороны. Поднимем шум – пойдут сплетни, разговоры по городу, родственники начнут возмущаться. Не его это земля, – прапорщик ткнул пальцем в лоб черепа, – пусть бы в Германии своей лежал. Его сюда никто не звал. Выкинь в канаву – и дело с концом! И так уже полчаса потеряли, – пробормотал прапорщик, глянув на часы.

Ему хотелось быстрее отсюда уйти, а не думать о каком-то несчастном немце, которого, скорее всего, даже не хоронили, его просто засыпало в окопе во время бомбежки.

Гаврилов еще покопал, но ни оружия, ни других костей не обнаружил.

– Хрен его знает, куда все остальное подевалось.

Он выпрыгнул на сухую траву и отряхнул штаны. Прапорщик пожертвовал свежую газету, в которую ефрейтор Гаврилов принялся заворачивать кости и череп.

– Выкопашь яму внизу, – прапорщик, как полководец во время боя, перстом указал на место, где следовало захоронить найденные останки, и расправил плечи. – И никому ни гу-гу, ясно?

– Так точно! – дружно ответили солдаты, орудуя лопатами.

И тут прапорщик увидел, как на светлый песок легла темная тень. На несколько мгновений в разрывах серых туч снова выглянуло солнце. Прапорщик обернулся: тот самый мужчина, во всем черном, с кожаной черной папкой, длинноволосый, бородатый, стоял, немного жмурясь, глядя на череп в руках ефрейтора.

– Могилу потревожили, – негромко произнес он мягким певучим голосом, который легко перекрывал свист ветра. – Недоброе дело – могилы тревожить.

– Что нам остается? – развел руками прапорщик. – Это же немец, враг. Да даже и не немец, а только часть.

– Не имеет значения, – сказал мужчина, отбрасывая седую прядь.

Мужчина в черном был лет сорока трех, высокий, статный, широкоплечий, немного странный, словно не от мира сего. Черные брови, большие, глубоко посаженные глаза и лицо, как у артиста. В городе он, возможно, смотрелся бы нелепо, но на кладбище он выглядел органично, куда более органично, чем командиры и их солдаты с лопатами.

– Так что же нам делать, может, подскажите? – на «вы» обратился к незнакомцу прапорщик, еще не понимая, кто стоит перед ним, но чувствуя силу, исходящую от этого человека. Так стоят люди перед морем, абсолютно спокойным и тихим, в любой момент готовые к тому, что на берег может обрушиться волна, смоев дома, лодки, вывернет с корнями деревья, уничтожит все живое.

Мужчина немного виновато улыбнулся:

– Я бы вам посоветовал, друзья мои, все это аккуратно положить назад, ямы засыпать, а сверху заложить дерном. Потом поставить здесь крест.

– Вот еще! – вырвалось у худого прапорщика. – Такую работу проделали и все коту под хвост? Мы нашим ребятам могилы копали, а он кто? – прапорщик вновь ткнул пальцем в череп. – Ефрейтор Гаврилов, отнеси фашиста и закопай, да побыстрее!

– Стой, – сказал мужчина, просьбы в его голосе не было, он звучал нейтрально, словно мужчина в черном передавал чужую волю, кого-то более могущественного, чем прапорщики, полковники и генералы.

Ефрейтор Гаврилов замер. Прапорщики тоже насторожились, на мгновение окаменели, они не привыкли, чтобы штатские командовали военными.

– Вы, собственно говоря, кто будете?

– Я приехал сюда по благословию патриарха.

– Какого патриарха? – слово «патриарх» звучало как «генералиссимус», и прапорщики отступили на шаг от края могилы, пытаясь сообразить, бывают ли у священников документы, удостоверяющие личность, или таковые отсутствуют.

– Я приехал в ваш город для того, чтобы в Ельске возвели храм, чтобы людям было где молиться Богу, чтобы было где отправлять в последний путь усопших, крестить новорожденных, венчать.

– Какой такой храм? – худой прапорщик вытащил из кармана бушлата пачку дешевых сигарет, но закурить не решился.

– Я бы посоветовал вам выкопать могилу вот там, внизу, у подошвы второго холма.

– Там же топко!

– Там сухо, – возразил незнакомец.

– Нам надо посоветоваться с подполковником, а он посоветуется с мэром, – прапорщик говорил уже так, словно перенос могилы – дело решенное, осталось только утрясти детали.

– Я сам поговорю с Цветковым, я как раз собирался к нему. А вы копайте. Посмотрите, будет лучше.

– А если и там что-нибудь найдем?

– Там ничего нет, там чистая земля. Там можно даже часовню ставить.

– Закопать ямы! – резким, приказным тоном обратился к солдатам тощий прапорщик и тут же почувствовал себя неловко.

Солдаты принялись за работу. Мужчина кивнул, низко склонив голову, откинул со лба длинные с проседью волосы и неторопливо, словно по воде, медленно поплыл с холма вниз.

– Во дела, – сказал краснолицый прапорщик, – никогда раньше с попами не говорил. Видеть видел, а вот поговорить не доводилось.

– Ничего мужик, видный, – сказал тощий прапорщик, наконец-то закуривая сигарету.

Когда прапорщики взглянули вниз, мужчины в черном уже не было.

– Куда он свернул?

– Кто ж его знает, – сказал краснолицый, – только что был внизу, а тут раз – и нет.

– Вот дела! Туда пойдем копать?

– Ну, если священник сказал...

– Ты уверен, что он священник?

– Кто же, по-твоему?

– Да, на священника похож. И борода, и волосы... А самое главное, голос у него красивый, наверное, песни поет.

– Ладно, пошли, все разметим и прикинем. А вы пошевеливайтесь, поскорее!

Прапорщики пошли к тому месту, на которое указал незнакомец. Минут через двадцать к ним присоединились солдаты. Работа шла быстро, как по маслу, место и впрямь оказалось сухим, песок буквально рассыпался, распадаясь на отдельные кристаллики, как крупный тростниковый сахар.

– Красота, – сказал краснолицый прапорщик. – И тихо здесь, и ветер не воет, и солнце светит. Даже тепло, как летом, да и просматривается все вокруг. Место – лучше не придумаешь.

Глава 4

Солдаты еще копали могилы, когда мужчина в черном поднимался на крыльцо мэрии. Самым удивительным было то, что его черные ботинки блестели как новые, на них не было ни песчинки, ни капельки грязи, словно он секунду назад выбрался из машины и ступил на землю, а не пешком вернулся с кладбища. В приемной Ивана Ивановича Цветкова за электрической пишущей машинкой со снятым кожаным сиделом очаровательная двадцатилетняя секретарша, дальняя родственница мэра.

Мужчина вошел, посмотрел на девушку и негромко спросил:

– Иван Иванович на месте? – он даже не спросил, а сказал это утвердительно, словно сквозь двойную дверь увидел фигуру Цветкова с плотно прижатой к уху телефонной трубкой.

Девушка оторопела. Она машинально одернула юбку и одарила гостя самой приветливой улыбкой. По внешнему виду она поняла лишь одно – перед ней человек не местный, он явно из столицы, к его мнению все вынуждены прислушиваться, и, когда он говорит, все, как правило, молчат и внимательно ловят каждое слово. Она суетливо выбралась из-за стола и открыла гостю дверь, даже не спросив, назначена ли встреча и по какому вопросу мужчине нужен мэр.

Цветков приподнял голову, все еще прижимая телефонную трубку к уху. Мат, готовый сорваться с его полных губ в адрес начальника коммунального хозяйства, застрял в горле, как тонкая рыбья кость. Мэр закашлялся, напрочь забыв, о чем несколько секунд назад вел нелестную беседу. Он положил трубку, выскочил из-за стола и представился:

– Иван Иванович Цветков, градоначальник, так сказать.

– Очень приятно, – сказал мужчина, не подавая руки, – я Андрей Алексеевич Холмогоров.

Иван Иванович Цветков тут же все вспомнил:

– Мы вас ждали на следующей неделе. Я даже, знаете ли, распорядился приготовить для вас самый лучший номер в гостинице, чтобы там все привели в порядок, подкрасили, подмазали, в общем, чтобы вам было удобно работать, – секретарша бесшумно закрыла двери. – Присаживайтесь, пожалуйста, Андрей Алексеевич.

Мужчина опустился в кресло в дальнем углу, рядом с часами, спиной к окну, так что мэр не мог разглядеть выражение лица гостя.

– Я решил не тянуть, отыскал нужные документы, все сверил, навел справки. Собрал информацию по интересующему нас вопросу, которая может помочь принять единственно верное решение.

– Ну, и какие у вас соображения?

Не вставая, Андрей Холмогоров расстегнул молнию черной кожаной папки, извлек из кармана лист бумаги, сложенный вчетверо, бережно развернул его, разгладил рукой.

– Вот, взгляните. Это ваш город, план начала девятнадцатого века. Вот, смотрите, здесь был рынок, здесь – скотобойня, здесь – казармы. Вот площадь, река, мост, монастырь. Тут стоял деревянный храм, который сгорел в восемьсот двенадцатом году, сгорел, и его не восстановили.

– Что, на этом месте строить храм?

– Да, место, кажется, хорошее, но я еще не уверен в нем, – мягко произнес Андрей Холмогоров. – Я еще немного побуду у вас в Ельске, подумаю, в архив наведу. Это не идеальное место, но лучшего я пока в городе не вижу.

Мэр напрягся. Именно на этом месте он планировал построить летний амфитеатр, чтобы было где выступать приезжим певцам. Место было хорошее, на высоком берегу Липы. Даже проект амфитеатра уже был готов. А о том, что здесь когда-то стоял храм, мэр не знал ровным счетом ничего, как не помнили и остальные жители Ельска.

– Так мы же здесь хотели...

– Танцплощадку сделать? – улыбнулся гость.

– Ну да, что-то вроде этого, так сказать, место для культурного отдыха молодежи. Ну, опять же, ветеранам Великой Отечественной, ветеранам труда...

– Нет, здесь в любом случае нельзя строить увеселительное заведение, – веско произнес Холмогоров. – Нельзя строить на могилах. У стен церкви были похоронены священники, а также видные горожане Ельска.

– Да, да, на могилах нельзя строить. Мы думаем церковь на площади поставить, у реки, там все равно ничего нет, – и Цветков с трудом отыскал это место на старом плане, – Садовая улица.

– Кстати, Иван Иванович, – задумчиво произнес Холмогоров, – солдаты копали могилы.

– Да, да, я знаю, это по моему распоряжению. Я отвел самое лучшее место, все-таки наши ребята, наши дети.

– Не очень хорошее место. Я попросил перенести могилы вниз, к подошве холма.

– Как? Куда?

– Вот сюда, – указательный палец Андрея Холмогорова с аккуратным, гладким, ухоженным ногтем коснулся листа бумаги. – Вот сюда, – повторил он. – Здесь тихое место, а им нужен покой.

И странное дело, мэр тотчас согласился.

– Военных поставили в известность? Да ладно, я сам позвоню подполковнику. Вы, Андрей Алексеевич, располагайтесь. Вас сейчас проводят в гостиницу.

– Хорошо, – согласился Холмогоров.

– Может, вам командировку отметить надо?

– Нет, мне это ни к чему, – уточнил гость.

– Вы ведь по поручению самого патриарха, да?

– По благословию, – вновь уточнил Холмогоров.

Патриарх, которого мэр видел лишь по телевизору в окружении первых лиц государства, был для него величиной преогромнейшей, может, даже большей, чем действующий президент. Президент – должность временная, а патриарх – пожизненная. Мэр пребывал в замешательстве, он никак не мог решить, как следует обращаться к гостю – то ли называть его «отец Андрей», то ли по имени и отчеству, то ли «ваше преосвященство».

Холмогоров это почувствовал:

– Называйте меня Андрей Алексеевич, я не обижусь, – сказал он, протягивая руку.

– Должность ваша или сан как звучит?

– Должность моя – советник, духовного сана не имею. Я человек светский.

– Как же вы при Нем вопросы решаете?

– Меня просят, я решаю. Дело привычное.

– Ответственность.

– Ответственность велика, поэтому ошибиться права у меня нет.

– Анята, Анята, – открыв дверь, бросил мэр в приемную, – поди сюда. Проводишь Андрея Алексеевича в гостиницу, объяснишь, что все... вот так получилось... немножко не-попад. Он должен был приехать на следующей неделе, а появился сегодня. Пусть его в мой номер поселят для самых важных и дорогих гостей, – немного смущаясь, произнес Цветков. – У нас, знаете, Андрей Алексеевич, такая грусть, такая тоска, трагедия, можно сказать. Четверых ребят сегодня ночью из Чечни привезли, а завтра похороны. Ах да, вы же на кладбище уже были, знаете.

– Знаю, – сказал Холмогоров, – велико горе близких. Я сразу, когда в ваш город приехал, почувствовал что-то неладное.

– Такое горе! А еще пятеро раненых. Вы будете на этом скорбном мероприятии?

– Да, – сказал Андрей Алексеевич, кивком головы давая понять, что разговор окончен.

Секретарша шла за Холмогоровым, боясь к нему приблизиться или что-либо посоветовать. Без подсказок девушки Холмогоров дошел до гостиницы – старого двухэтажного здания с решетками на окнах, выкрашенными ярко-голубой краской. Такой краской любят красить ограды на кладбищах и купола церквей. «Небесная краска», – так называл ее про себя Холмогоров.

Директор гостиницы, предупрежденная о визите высокого гостя самим Цветковым, встречала Холмогорова у двери. Спутать его ни с кем она не могла. Во-первых, его сопровождала личная секретарша мэра, во-вторых, Холмогоров имел неординарную внешность.

Ярко накрашенные губы полной блондинки растянулись в улыбке, даже искусственные бриллианты в серьгах засверкали ярче.

– Здравствуйте, – мягко произнесла женщина, сцепив на животе руки.

На пальцах поблескивали золотые перстни, они пережимали пухлые пальцы, как веревки пережимают колбаски. Казалось, женщина родилась с этими перстнями, потому что ни надеть их на такие толстые пальцы, ни снять с них не представлялось возможным. Выглядела директор довольно вульгарно. Но это по столичным меркам, а здесь, в Ельске, она считалась первой красавицей, хоть и немного подержанной. Женщина стояла в расстегнутом белом плаще с шарфом под воротником, чтобы все могли увидеть в огромном декольте золотой крестик, который украшали четыре камня.

– Советник патриарха... – прошептала директор гостиницы и почувствовала, как холодок бежит по позвоночнику от затылка до копчика. Это было чем-то вроде наместника Бога на земле, во всяком случае, уж никак не меньше губернатора области.

– Андрей Алексеевич! – наученная мэром, как нужно обращаться к советнику патриарха, воскликнула директор и сделала шаг вперед, немного разведя руки, словно собиралась обнять гостя. Холмогоров мягко уклонился от объятий, сдержанно кивнул. – Мы старались, – тараторила женщина, – номер готовили, хотели как лучше. Но мы же не знали, что вы приедете так рано.

– Не стоило беспокоиться, – ответил Холмогоров, оглядывая влажный, только что вымытый и не успевший еще просохнуть холл.

На стекле жужжали недавно очнувшиеся от зимней спячки мухи.

– Но мы вам приготовили лучшие апартаменты. И телевизор поставили, цветной, с большим экраном, и холодильник работает, и напитки в нем есть. Вы какие предпочитаете?

Холмогоров оставил этот вопрос без ответа, словно давал понять, что человек, имеющий отношение к церкви, скромнее в своих привычках и для него напиток может иметь лишь одну ценность – утолять жажду.

– И вода горячая у нас есть, – говорила директор, – и телефон городской работает. В ресторане для вас столик зарезервировали. Я предупредила, вот, посмотрите, – директор открыла дверь номера, но тут же поняла свою ошибку.

Она демонстрировала номер, который готовили к приезду гостя.

– Я хотел бы немного отдохнуть, спасибо.

У Холмогорова никто не спрашивал документы, никто не просил заполнить квитанцию, оплатить проживание. Андрей Алексеевич даже слегка улыбнулся в бороду. Суэта, поднятая вокруг его приезда, напомнила ему о гоголевском «Ревизоре», не хватало лишь слуги Осипа, который бы без всякого стеснения пользовался всеми мирскими благами, предоставленными наивными хозяевами городской жизни.

По масштабам Ельска номер был прямо-таки шикарный. Он тоже был наспех вымыт, пах хлоркой, запах которой безуспешно пытались перебить хвойным дезодорантом. На крышке унитаза гордо красовалась бумажная лента «Продезинфицировано». Все, о чем мог мечтать приезжий, в этих апартаментах имелось: и телевизор, и горячая вода, и хрустальные пепель-

ницы на тумбочках и столе. В серванте поблескивали бокалы. «Они, наверное, собраны со всей гостиницы», – грустно подумал Холмогоров. В вазе стояли три красные гвоздики.

– Вы располагайтесь, отдохните с дороги, – нежно и вкрадчиво урчала сбоку директриса.

Секретарша мэра стояла в дверях, не зная, можно ли ей пройти в номер. Холмогоров обернулся, на губах промелькнула улыбка, признательная и грустная.

– Спасибо за заботу, – тихо произнес он и кивком дал понять, что все свободны.

– Если что, звоните мне в любое время, вот моя визитка. Надеюсь, здесь вас никто не побеспокоит. В этом крыле больше никто не живет, вы здесь один.

– Спасибо, – еще раз повторил Холмогоров. Теперь он сдвинул брови, и этого хватило, чтобы словоохотливая пышногрудая директор районной гостиницы начала пятиться и кланяться чуть ли не в пояс. Крестик выехал из декольте и, сверкнув, закачался как маятник.

– Кстати, я забыла вас предупредить, с завтрашнего дня ресторан три дня не будет работать, в городе объявлен траур. Но вас, Андрей Алексеевич, это не касается, для вас он всегда открыт, только спиртного не будет. А сегодня – пожалуйста, – с этими словами дверь бесшумно затворилась, и Холмогорова оставили в покое.

Небольшой холодильник был забит продуктами и алкогольными напитками. Внизу, в отдельной секции, стояли три бутылки минеральной воды «Святой источник» – русско-американское предприятие. «Произведено и бутилировано с благословения патриарха» – значилось на этикетке. От вида знакомых бутылок Холмогоров скривился, но взял одну в руки, свернул пробку, наполнил высокий стакан и медленно выпил.

Возле телефонного аппарата отыскался справочник, не такой, какой обычно кладут постояльцам, где обозначены лишь номера телефонов бара, ресторана и дежурной по этажу. На справочнике было золотом вытеснено «Для служебного пользования», такой же он видел на столе у мэра. Положив его на письменный стол, покрытый цельным куском толстого стекла, Холмогоров распахнул толстый ежедневник и, полистав справочник, позвонил сперва в архив, попросил приготовить ему церковные книги, изъятые из храмов еще на заре советской власти, и все, что касалось монастыря. Затем позвонил в библиотеку и узнал, что подшивки местных газет здесь не сохранились.

– Война, – сказали ему.

– Все понятно, спасибо. Но я к вам все равно зайду, не может быть, чтобы ничего не сохранилось.

Тихо бубнило радио, спрятанное за шторой. Окно выходило на небольшой скверик, единственным украшением которого являлся бетонный обелиск, выкрашенный алюминиевой краской. За обелиском просматривались старая пожарная каланча и труба котельной. Чувствовалось, что номер обжит, и Холмогоров вспомнил вскользь брошенную мэром фразу: «Это мой личный номер».

В спальне стояла широкая двухместная кровать, поэтому фраза мэра воспринималась теперь двусмысленно. «Неужели девок сюда водит?» – подумал Холмогоров, припоминая лицо Цветкова. Тот на бабника не походил, скорее, просто на любителя выпить. Типичный функционер районного масштаба, который не стремится прыгнуть выше, но ужасно боится потерять теперешнюю должность. «Кем он станет без нее? Никем, таким же, как и тысячи горожан».

Холмогорову часто приходилось бывать в провинциальных городах. Вся его жизнь за последние несколько лет состояла из переездов, путешествий; дома, в Москве, он жил мало.

В отличие от подавляющего большинства русских, Холмогоров предков своих знал, родословная рода Холмогоровых была ему известна до двенадцатого колена. И не потому, что он этим специально занимался, просто так повелось в их семье. Портрет одного из его предков – двоюродного деда, священника Холмогорова – работы знаменитого русского живописца Павла Корина украшал Третьяковскую галерею.

Все Холмогоровы были похожи друг на друга. Мужчины – высокие, широкие в плечах, с узкими аскетическими лицами, остроносые, с глубоко посаженными горящими глазами. Волосы у всех черны как смоль. Под стать мужчинам были в роду и женщины – высокие и красивые.

По-разному складывалась жизнь у родственников и предков Андрея. Но не было среди Холмогоровых людей пустых, никчемных. Алексей Холмогоров, отец Андрея, в своих кругах пользовался непререкаемым авторитетом, был, наверное, лучшим переводчиком с древнегреческого и латыни. Многие в роду Холмогоровых были священниками, так что теперешний выбор Андрея ни отца, ни мать, ни родственников не удивил, хотя поначалу казалось, что Андрей станет абсолютно светским человеком. Ему прочили блестящее будущее архитектора, он даже смог реализовать кое-что из своих проектов, хотя поначалу казалось, что выполнены они исключительно для конкурса. Но если чему-то суждено случиться, это обязательно произойдет, и зерно, попавшее в благодатную почву, обязательно пробьется зеленым ростком к солнцу, к свету. И неважно, желает человек этого или нет, так оно случится.

Андрей Холмогоров, только что получивший хороший заказ на проектирование кинотеатра, взял отпуск и поехал к своему другу, с которым вместе кончал институт архитектуры, на реставрацию в старинный город Муром. Его приятель слыл человеком странным. Вместо того чтобы остаться в столице, он подался в реставраторы. Брался за самые безнадежные, запущенные объекты, провинциальные церкви. Работал сам и архитектором, и каменщиком, и плотником, и кровельщиком, и даже живописцем.

Одержимость друга сперва не понравилась Андрею. Он считал, что человек должен заниматься тем, что у него получается лучше всего. Вот там, в Муроме, и случилось то, что изменило жизнь Андрея Холмогорова. Изменило, с одной стороны, но с другой – вернуло к истинному предназначению, которым жили, которому служили его предки.

В первый же день после приезда друг повел Холмогорова к строительным лесам, шатающимся, скрипящим, под самый купол храма, чтобы показать открытый им фрагмент фрески восемнадцатого века. Когда Андрей стоял внизу, храм не казался ему таким высоким. Но чем выше они с другом взбирались по шатающимся, поскрипывающим лесам, тем больше захватывало дух. Казалось, что они поднимаются в небо. Вот они уже идут по узкому мостку в две доски, без перил, почти касаясь плечом раскрашенного под звездное небо купола. «Небесно-синий цвет, – подумал тогда Андрей. – Странно, небо нарисовано не ночное, но на нем горят звезды».

Друг подвел его к небольшому прямоугольнику, заклеенному бумагой:

– Смотри.

Бумага с шелестом отошла, и Холмогоров увидел огромные темные глаза, которые смотрели прямо на него. Он вздрогнул и, словно повинаясь чужой воле, инстинктивно сделал шаг назад.

– Стой, Андрей! – еще услышал он, уже чувствуя, как нога ступила в пустоту. Он взмахнул руками и полетел вниз, ломая строительные леса.

Крик друга «Стой, Андрей!» еще пульсировал в пустом соборе, лист бумаги медленно планировал вниз. Последнее, что увидел Холмогоров, были глаза на небесно-синем куполе в золотые звезды. Глаза смотрели на него с грустью и состраданием.

Андрей лежал на куче строительного мусора, широко, как крылья, раскинув руки, и смотрел ничего не видящими и неподвижными глазами на те далекие очи, далекие и высокие.

С грохотом его друг сбежал вниз и закричал:

– Андрей!

Припал ухом к груди, но не услышал биения сердца.

– Он мертв, – сказал приехавший по вызову врач «скорой помощи».

– Как мертв!? – воскликнул реставратор. – Ведь только что мы... – и тут же осекся.

– Мертвое не бывает, – пошутил доктор. – Вам надо вызывать милицию.

Андрей не был мертв, он все видел и все слышал, но смотрел на себя как бы со стороны, словно находился под куполом храма, видел себя, доктора, друга, распахнутую настежь дверь храма и небольшое слуховое окно в куполе, на переплете которого сидел голубь. Голубь сорвался со своего места, сделал круг под куполом, пролетев мимо удивительных глаз Богородицы, и спланировал вниз, шумно хлопая крыльями.

Доктор и друг Андрея невольно вскинули головы, и доктор тихо произнес:

– Это его душа улетает.

Андрей улыбнулся, хотя губы его оставались неподвижными, лишь капелька крови медленно стекала по чисто выбритой щеке. И тут Андрей услышал голос, который не принадлежал никому из присутствующих, он словно лился по косому лучу солнца, струящемуся из слухового окна в куполе. Он даже не мог бы сказать, кому принадлежит голос, мужчине или женщине, это был всепроникающий звук: «Ты не умер, ты будешь жить. Ты не будешь строить, ты будешь находить места, и я тебе буду в этом помогать» – и голос растворился в солнечном луче.

А голубь все кружил и кружил по храму, словно не мог найти место, где остановиться. Солнечный свет лежал на лице Андрея, и он чувствовал его согревающее тепло. И тут он увидел на куполе не только глаза, а весь еще не открытый реставратором лик Богородицы. Она была прекрасна и в то же время строга и недоступна. Он чувствовал, что его и этот лик разделяет огромное расстояние, которое невозможно преодолеть, и в то же время она была рядом, она явила себя умирающему или умершему.

Пожилой небритый водитель «скорой помощи», привыкший за долгую работу ко всяким ужасам, неторопливо снял с головы кепку, сжал ее в кулаке и, склонив голову к плечу, принялся рассматривать упавшего из-под купола на кучу битого кирпича Андрея Холмогорова.

– Не повезло. И какого хрена было лезть туда? Ехать из самой Москвы, чтобы в первый же день по-глупому сорваться и насмерть разбиться...

И тут водитель «скорой помощи» опустился на колени, прижал волосатое ухо к груди Андрея. Несколько мгновений напряженно вслушивался, а затем прошептал:

– Э, да у него сердце бьется! Через раз, но бьется.

– Не может быть! – сказал врач, но принялся щупать пульс.

Затем была реанимация, две операции в муромской больнице и самая сложная уже в московской клинике, в Институте нейрохирургии. Никто из медиков так и не мог ответить, каким чудом к Андрею Холмогорову вернулась жизнь. Как говорится, он получил травму, несовместимую с жизнью.

Но уже через год он ходил без посторонней помощи, а еще через полгода уже никто не сказал бы, что еще совсем недавно медики приговаривали этого мужчину к пожизненному сидению в инвалидном кресле. За время болезни он отошел от друзей, от привычных дел и стал другим человеком. Получил духовное образование, но сан принимать не стал. Он проектировал несколько новых храмов, сам принимал участие в их строительстве. Но все время чувствовал, что услышанное им в Муроме пока не сбылось, он не нашел свой путь.

И вот однажды, когда он приехал на место, где городские власти собирались возвести церковь, почувствовал: храм здесь стоять не может, хотя сто лет тому назад на этом месте стояла церковь. Почему – объяснить не мог. Тогда он убеждал и местного архитектора, и епископа, и городские власти, что храм возводить нельзя, но его не послушали. Строительство началось, через год уже были возведены стены и колокольня.

О предупреждениях Холмогорова забыли, но во время первой весенней грозы середь бела дня храм, сложенный из кирпича, на глазах у изумленных горожан рассыпался, превратившись в огромную груду кирпича. Было создано несколько комиссий, в том числе и комиссия патриархии, но, как ни старались эксперты, привычного объяснения, которое бы устроило всех, так и не нашлось.

И тогда вспомнили о Холмогорове. В его личности соединялось многое – знание архитектуры, вера и то, что материалисты называют интуицией. Холмогорова без труда отыскивали, его принял патриарх, и они несколько часов разговаривали с глазу на глаз. А через неделю Андрею Алексеевичу Холмогорову предложили стать советником, и он не отказался.

Вот уже несколько лет он колесил по России. В его обязанности входило определять, подходит место для строительства храма или нет. Ведь не всякое место подходит для строительства храма. Место надо почувствовать, должен быть знак свыше, как в старину. И не каждому дано его понять.

Много званных, да мало избранных. Андрей Холмогоров был одним из немногих. Он безошибочно чувствовал, где именно должен стоять храм. Конечно же, он пользовался и архивными документами, и старыми планами, и данными геологоразведки, и данными аэрофотосъемки. Но главным для него был тот голос, услышанный в Муроме, когда он лежал с переломанным позвоночником на гряде битого кирпича.

А с той фреской случилась удивительная история, удивительная для других, но не для Холмогорова. Друг-реставратор, проведая его в больнице, рассказал, что расчистил фреску полностью, открыв лик Богородицы. Работу окончил поздно вечером при свете переносной лампы и счастливый, обессиленный пошел спать. Утром же, когда он с фотоаппаратом зашел в залитый солнечным светом храм, то долго не мог поверить в то, что увидел. За ночь фреска полностью осыпалась, словно ее никогда и не было на стене древней церкви.

Уже придя в себя в палате реанимации, Андрей Холмогоров понял, что с этого момента его жизнь пойдет по совершенно иному пути. Что-то изменилось в его душе. Так восстает плотина, перекрывая собой бурный и сильный поток. И тогда река меняет направление.

Холмогоров смотрел на капельницу, на хромированный штатив, поддерживающий бутылку с кристально чистой жидкостью, которая медленно, капля за каплей втекала в его тело. И каждая капля была чиста, как воспоминания детства, которые проходили перед ним, не стирая друг друга, не затушевывая, а лишь сменяя одно другое.

Однажды брат отца взял маленького Андрея с собой. Они отправились на Север. Несколько дней ребенок широко распахнутыми глазами смотрел в окно вагона. Подобных пейзажей до этого он никогда не видел, как не видел и белых ночей, завораживающих своей непонятной красотой. День ли, ночь, вечер или утро – мальчик не понимал и спрашивал у дяди:

– Скоро мы приедем?

– Скоро, – отвечал седобородый мужчина, разглаживая ладонью морщины на высоком челе.

– А почему здесь и ночью все видно?

– Так создал этот мир Бог.

– А к кому мы едем?

И дядя снова пересказывал племяннику историю жизни старца Иннокентия, который уже сорок лет живет один на острове в глухом лесу и к которому за советом едут люди со всех концов России.

– А ты откуда знаешь старца Иннокентия? Ты с ним знаком?

– Да, я его видел, когда был таким, как ты.

– Он и тогда жил в лесу?

– Да.

– А почему его не съели дикие звери? Он что, их не боится?

– Он их любит.

– А меня он полюбит?

– Надеюсь.

После поезда они еще два дня ехали на машине сквозь темные и мрачные леса. Затем они долго шли пешком – почти целые сутки. Незнакомые люди перевезли их на лодке через

реку. Ночью они добрались до озера, огромного, как море, и дядя, показывая вдаль рукой, шепотом произнес:

– Видишь, вон тот остров?

На горизонте вода сливалась с небом. Далеко-далеко темнела точка.

– А как мы туда попадем? – спросил мальчик, измученный долгой дорогой.

– Мы разожжем костер. Он нас увидит и сам придет.

Мальчик спал у костра, когда в берег бесшумно уперся нос лодки. Андрей открыл глаза и увидел древнего старца с седой прозрачной бородой и огромными ярко-синими глазами. Старик смотрел на него и улыбался.

– Холмогоров-младший, – тихо сказал он, погладив ребенка по голове, – наша кровь.

Тогда Андрей еще ничего не понял, а старик с сияющей седой шевелюрой показался ему древним, как валуны на берегу озера и старые сосны вокруг.

На острове они пробыли сутки. Мальчик запомнил это время до мельчайших подробностей. Они отпечатались в его детском сознании и сохранились навсегда, как засохшие цветы между страницами книги. Уже потом, и в минуты душевного смятения, и в минуты радости, Андрей возвращался к ним, и воспоминания казались бесконечными. На прощание, когда лодка уже заскользила по воде и расстояние между стариком и ребенком начало увеличиваться, Андрей услышал голос:

– Слушай свое сердце, оно тебя не обманет. Тайное для тебя будет становиться явным. В твоих жилах течет и моя кровь, не бойся смерти, как не боюсь ее я, – его слова эхом растворились в зеркальной тишине белой ночи.

Много лет спустя соседка по подъезду, измученная страданиями, столкнувшись с Холмогоровым на лестничной площадке, судорожно и суетливо расстегнула свою сумочку и на протянутых ладонях подала Андрею Холмогорову фотографию:

– Мы уже полгода не можем ее найти.

С фотографии на Андрея смотрела и радостно улыбалась темноволосая девочка лет семи.

– Это ваша дочь? – спросил Холмогоров.

– Да, она пошла гулять во двор и не вернулась.

Андрей взял фотографию и, держа ее прямо перед глазами несколько минут, упорно на нее смотрел, а затем тихо сказал:

– Она жива. Она в другом городе. Рядом с ней мужчина. Мужчина в очках, – продолжая смотреть на фотографию, шептал Андрей. По его лицу сбегали крупные капли пота. – Она сейчас смотрит в окно, мне кажется, она улыбается. Это слишком далеко, я плохо вижу. У мужчины под левым глазом родимое пятно. Вы его знаете, вы обязаны его знать.

– Господи, это невозможно! – воскликнула женщина.

Холмогоров отдал фотографию в дрожащие руки и медленно, пошатываясь и с трудом переставляя ноги, двинулся вверх по лестнице, держась за перила.

– Это невозможно, невозможно, – слышал Холмогоров за своей спиной голос женщины.

Ларчик открывался просто. Девочку украл отец, живший в другом городе, с которым женщина развелась, будучи беременной.

И тогда, и потом Андрей вспоминал слова старца Иннокентия: «Для тебя тайное будет явным. Не бойся смерти, ее нет».

Однако минуты чудесного прозрения случались крайне редко, и вызвать их усилием воли Холмогоров не мог, поняв, что, если Богу это будет угодно, он сам откроет ему глаза на происходящее.

Глава 5

До самого вечера Холмогоров не беспокоил ни администрацию гостиницы, ни постояльцев. Дверь его номера оставалась закрытой. Любопытных, желающих подсмотреть, что творится в номере, хватало, но даже любители поглазеть не могли узнать, что происходит внутри: занавески Андрей Алексеевич задернул плотно. Случались такие минуты в жизни, когда ему не хотелось никого видеть, не хотелось ни с кем встречаться. И это не было капризом избалованного вниманием человека или надменностью в житейском ее понимании.

Дело было в другом. Лишь только Холмогоров оказался в Ельске, как тут же почувствовал странную гнетущую атмосферу, царившую в городе. Сперва он решил, что причиной тому гибель ОМОНовцев и горожане переживают их смерть. Но стоило ему всмотреться в лица людей, понял, что это не так: смерть, поселившаяся в Ельске, еще не дошла до их сознания, люди еще не ощущают дыхание смерти. Холмогоров чувствовал, что в городе должны случиться какие-то события, еще более страшные, чем гибель четырех молодых людей в Чечне. Смерть не страшна сама по себе, страшны необъяснимость, непредсказуемость ее прихода. Военные погибли на войне, и это обычно, такое в России не впечатляет. Парни знали, на что шли, уезжая в командировку.

Холмогоров лежал на широкой двуспальной кровати поверх покрывала и, прикрыв глаза, прислушивался, словно надеялся вновь услышать голос, уже явившийся ему однажды в древнем Муроме. Но вместо него ему чудились странные звуки: то вроде бы кто-то шептал, то плакал, и было непонятно, откуда просачиваются эти звуки.

Он погрузился в состояние забытья, словно пребывал вне места и вне времени. Серая густая пелена окутала его, будто предрассветный туман, и все звуки тонули в этой серости, глушились ею, исчезали, лишались смысла.

Когда Холмогоров открыл глаза, то с удивлением обнаружил, что пролежал неподвижно целых четыре часа, хотя ему казалось, что миновало минут двадцать, не больше. За окном уже смеркалось, дневной свет еще пронизывал шторы, но развеять темноту по углам номера уже не мог.

Холмогоров ощутил голод, хотя обычно ужинал позже. Он чувствовал себя так, словно целый день провел на ногах и не было четырехчасового отдыха. «Довольно, я уже напугал их своим видом», – подумал Холмогоров, подходя к зеркалу большого раздвижного шкафа-купе.

Стоило ему сменить рубашку с черной на светло-бежевую, как он сразу же стал выглядеть абсолютно по-светски, даже можно было подумать, что длинные волосы и борода – всего лишь дань ушедшей моде, тому времени, на которое пришлась юность Холмогорова. Многие его сверстники сохранили приверженность к моде конца семидесятых.

Волосы Андрей Алексеевич аккуратно собрал в «хвост» и стянул тонким кожаным ремешком. Расчесал бороду и стал похож не то на рок-музыканта, не то на художника, собирающегося на открытие собственной выставки. Бросив во внутренний карман пиджака тонкое портмоне, он легкой, пружинистой походкой покинул номер.

Когда хотел, Холмогоров умел не привлекать к себе внимания. Никем не замеченный, он миновал стойку администратора и, даже не останавливаясь, отыскал взглядом белую табличку «Ресторан».

Ресторанов в городе было несколько, но ни один из них хорошей славой не пользовался. Все-таки Ельск никогда не был университетским городом, а это накладывает отпечаток на население. Из всех учебных заведений, не считая школ, здесь имелись финансовый техникум, переименованный недавно в колледж, и филиал политехнического института, ковавший инженерные кадры для местного цементно-шиферного завода. «В других городах нет и этого. На двести пятьдесят тысяч жителей вполне достаточно».

За последние десять лет в Ельске открылось довольно много небольших ресторанчиков, кафе и просто забегаловок. Но основными местами, где можно было оттянуться по полной программе, с музыкой и танцами, а возможно, и с мордобоем, оставались несколько старых ресторанов с огромными залами и маловразумительным оформлением. Главным из них был ресторан при гостинице, носивший то же название, что и местная река, – «Липа». Эти четыре буквы ярко горели неонам в закатном небе Ельска, словно напоминая, что сегодня последний день, когда еще можно погулять так, словно в городе ничего и не случилось. С завтрашнего дня в Ельске начинался объявленный мэром траур.

Обычно публика в зале собиралась одна и та же – офицеры и контрактники из бригады спецназа, ракетчики, кавказцы, державшие торговлю на местном рынке и большую часть жизни проводившие в гостинице, а также местные проститутки. Сменялись лишь приезжие командировочные, старавшиеся не вступать в местные разборки. Обычно три основные силы – спецназовцы, ракетчики и кавказцы – уживались в ресторане довольно мирно. Они знали друг друга не первый год, а женщин, ходивших в ресторан в надежде снять мужиков, сумели поделить.

Но мирное сосуществование продолжалось обычно недели две, пока кто-нибудь не позволял себе выпить лишнего и это не совпадало с неприятным происшествием в городе. Тогда начинались попытки выяснить, кто же в нем виноват. Все три группировки считали себя хозяевами в городе. Кавказцы – потому что обладали самыми большими в Ельске деньгами, спецназовцы – потому что их часть располагалась почти в самом центре, а ракетчики – поскольку появились в городе раньше остальных, если брать во внимание принцип преемственности от кавалерии через артиллерию к ракетно-космическим войскам.

Кавказцев, хоть они и принадлежали к разным национальностям, объединяла одна общая черта – осторожность, очень уместная, когда находишься на вражеской территории. Еще днем они трезво рассудили, что сегодня появляться в ресторане не стоит. Погибли ОМОНовцы, и ясно, что их сослуживцы попытаются отыскать виновных в этом.

Разобраться, кто чеченец, кто дагестанец, кто ингуш, – задача для человека в милицеской форме такая же сложная, как решение дифференциального уравнения на пьяную голову. Поэтому, чтобы и лицо сохранить, и в драку не ввязываться, сходка кавказцев постановила исчезнуть сегодня из города.

Кавказцы, сбросившись, арендовали небольшую местную турбазу в десяти километрах от города, прихватили с собой маринованное мясо, мангалы, уголь, выпивку, девушек и в полном составе на машинах отбыли на загородную гулянку в надежде, что никто о них в этот вечер не вспомнит. Ракетчики и спецназовцы на родной земле чувствовали себя уверенно и никуда прятаться не собирались. Повод выпить был и у тех и у других.

У командира роты обеспечения из ракетной части капитана Пятакова случился юбилей. Он бы и рад был забыть о своем тридцатипятилетии, но куда денешься, если в сейфе командира части лежит твое личное дело? О юбилее сослуживцы ему напоминали давно, и капитан Пятаков заранее заказал в ресторане столики. Все старшие лейтенанты, капитаны, майоры, подполковники и полковники были приглашены в ресторан «Липа». То, что празднование пришлось на день перед похоронами, ракетчиков особо не смущало: их торжества были запланированы заранее, и кто же виноват, что ребят будут хоронить именно завтра?

Могилы, приготовленные для спецназовцев, желтели на склоне холма на другой стороне реки Липы, и их можно было видеть с любого конца Ельска, стоило выйти на открытое пространство. А его в городе хватало. Лишь самый центр да микрорайоны были застроены каменными домами в несколько этажей. Остальная территория представляла собой однообразную деревянную застройку, лишь кое-где попадались новомодные особняки современных богачей. Их в городе знали пофамильно и в лицо.

Ракетчики появились в ресторане первыми. Офицеры, хоть и были мужчинами серьезными, считавшими себя «белой костью» в Российской армии, глупо ухмылялись. Четверо из

них несли тяжелые вместительные саквояжи, в которых глухо, как камни, позвякивали полные бутылки. Прошли те времена, когда офицер считал ниже своего достоинства приносить спиртное с собой; теперь даже официанты и официантки в ресторане были в курсе этого ритуала и не препятствовали ему, следя лишь за тем, чтобы для приличия было заказано хотя бы граммов по сто водки на одного посетителя.

Метрдотель, полная яркая блондинка, отвела капитана Пятакова в сторонку:

– Вы же говорили, что гостей будет восемь?

Капитан Пятаков развел руками, мол, разве такое учтешь?

– Придется неучтенным сидеть на простых стульях, – жестко сказала женщина, – посетителей у нас сегодня много.

Вариант был далеко не худшим, и капитан Пятаков согласился на него с радостью, зная наперед, что уж ему-то, имениннику, на разваливающемся гостиничном стуле сидеть точно не придется. Кресла в ресторане были добротные и настолько тяжелые, что даже во время редких потасовок никому не приходило в голову использовать их для нападения или защиты.

Ракетчики собственноручно сдвинули столы и сели, не зная, чем занять руки. Пятаков держал перед собой большой букет гвоздик и тщетно пытался ощутить несуществующий запах цветов.

– Эх, – вздохнул он, – легче два часа на жутком морозе ждать поезда, чем пять минут в тепле ста граммов водки.

Гости оживились, завидев вышедшую из-за перегородки официантку. Та умудрялась нести в руках сразу шесть тарелок с нарезанной закуской.

– Это вам.

Главное начать. И вскоре перед мужчинами уже стояли рюмки с холодной водкой – других напитков ракетчики не признавали, разве что спирт.

Первый тост, как и заведено, произнес командир части. Говорил он долго, пространно, прочувствованно и нежно, так, будто капитан Пятаков был его родным сыном. Вспомнил все – и развал великой страны, которой все боялись в мире, в первую очередь благодаря ракетам, и годы неопределенности, которые почему-то назвал «темными», и с осторожным оптимизмом перешел к дням сегодняшним, которые, по его разумению, выдвинули на первые позиции людей молодых, мыслящих и честных. Сослуживцы главного ракетчика томились в наглухо застегнутых кителях с рюмками, уже приподнятыми над столом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.